

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 5

Тайны ночных улиц

МИСТИКА /
ХОРРОР /
ГОТИКА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евгения Кротова

Непростые истории
5. Тайны ночных улиц

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кротова Е.

Непростые истории 5. Тайны ночных улиц / Е. Кротова —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Странные, пугающие тени, голоса и всхлипы за спиной, твари живые и мертвые, похитители душ по ту сторону реальности, немыслимые узелки невозможного, пустота в родных глазах и холодное прикосновение: что еще приготовили ночные улицы для своих обитателей? Перед вами — самый «темный» сборник цикла «Непростые истории». Мы снова собрались вместе, чтобы раскрыть для вас еще одну тайну. Пятая книга серии. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От составителя. Вместо предисловия	5
Наталья Ильина	6
Гости миссис Чандлер	7
Елена Румянцева	13
Хорошая девочка	14
Собиратель	18
Евгения Кинер	21
Йольская ночь	22
Тим Яланский, Алексей Лад	25
Счастливый билет	26
Ксения Скворцова	32
Я подарю тебе имя	33
Алексей Лад	42
По ту сторону	43
Страшная история	46
Говард Кинг	48
Сорок четвертый Хэллоуин	49
Татьяна Виноградова	58
Золотой ключик	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

От составителя. Вместо предисловия

Вы верите в мир по ту сторону зеркал? В мир откровенно неживой и уже потому – враждебный? В нем обитают демоны и тени, а в полнолуние призраки прошлого и ловцы душ выходят на охоту. В том мире солнечный луч упирается лишь в мутную синеву, не греет и не сияет. В мире, где самая сладкая мечта – завладеть человеческой душой, он лишь равнодушный наблюдатель, беспомощный и жалкий.

Перед вами – самый «темный» сборник цикла «Непростые истории». Жуткие создания, крадущиеся за спиной, странные тени и отражения в глубине зеркал – только ждут, когда герой совершит ошибку. Ошибку, которая будет стоить ему жизни. Если все-таки он сорвется и ускользнет, то до конца дней своих будет вздрагивать из-за угольной черноты в углу, а в шорохе ветра различать зловеющий зов.

Вы ведь не думаете, что мир по ту сторону зеркал прост и прозрачен, верно?

Не познав вкуса Тьмы, так трудно ценить Свет: мы откроем для вас тайны ночных улиц

Наталья Ильина

Ильина Наталья Николаевна. Живу в Санкт-Петербурге. Окончила литературные курсы «Мастер Текста», участник Литературной Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ. Хозяйка и руководитель конного клуба. Немного пишу. Представленный ниже рассказ – лауреат конкурса мистики и хоррора "Шаги за спиной". Больше обо мне и моём творчестве: сайт автора <https://www.illina.ru/> страница автора <https://litnet.com/illinka-u519834/>

Гости миссис Чандлер

Мне некому рассказать эту историю. Сочтут за психа, а при моей профессии – это вредно, впрочем, как и при любой другой. Вот только держать её в себе, бесконечно перекачивая в памяти, как нетающий «леденец» округлого голыща, родом из приморского детства, я больше не в силах. Удачно, что у вас всё анонимно. Я просто оставляю это здесь.

– Твою дивизию! – зло шипел я сквозь постукивающие от холода зубы.

Утром, когда я отправлялся в путешествие, погода стояла прекрасная. Ничто, как говорится, не предвещало, а теперь мне приходилось шлёпать по лужам, оставив всякие попытки отыскать более или менее сухие островки. Улочка, выложенная неровным булыжником лет триста назад, стремительно заполнялась ледяной водой во всех неровностях и провалах. Да она, собственно, из них и состояла.

Я люблю Англию. Неповторимую смесь лондонского величия и откровенного китча, праздничную яркость летнего Брайтона, напыщенный снобизм Оксфорда, разбавленный весёлыми толпами студентов... Но больше всего, мне нравятся глухие английские деревушки, где жизнь, кажется, застыла в позапрошлом веке, и куда не забредают толпы китайских туристов – шумные и бесцеремонные. Есть здесь только две вещи, которые я ненавижу – погода и правый руль. Освоить правостороннее движение мне не по силам. Приходится передвигаться на общественном транспорте, изредка пользуясь такси. Очень изредка – английский кэб слишком дорог для учёного из России.

Итак, я брёл, скукожившись в промокшей насквозь куртке, а вода капала с волос, заливая очки. Я почти ничего не видел, кроме узкой улочки и негостеприимно запертых калиток перед крохотными палисадниками. Здесь не принято впускать в дома незнакомцев.

«Паб! Да где же чёртов паб!» – я терял терпение. От холода, разумеется. От основного шоссе на север, я отмахал вдоль аккуратных полей миль пять по петляющей дороге, прежде чем добрался до этой деревушки.

Одиноким, потерянным, застрявшим Бог знает в какой глуши. Мой телефон издевательски сообщал, что «Водафон» сюда не добрался, или затонул по пути в проливном дожде, так что я даже такси вызвать не мог.

Тот двухэтажный домик оказался последним на улице. Мощная каменная кладка первого этажа почти выросла в землю на т-образном перекрёстке. Над дверью покачивался кованый сапог, накрепко привинченный порывевшими от времени цепями к железному штырю с острым набалдашником, больше всего напоминавшему огрызок турнирного копья.

«Тихий угол» – так гласила выцветшая вывеска – был тем, чего жаждало моё промокшее и продрогшее тело. Я рванул на себя тяжёлую дверь. Возможно, излишне резко, потому что колокольчик, который висел над ней, не зазвенел, а испуганно брякнул и сразу стих. Поскольку я побывал в сотне разных пабов, могу с уверенностью сказать, что они настолько же разные, насколько и похожи один на другой. Англичане ужасно консервативны. Изюминкой этого паба был камин. Огромный, настоящий камин с живым огнём. Хищные языки пламени вытягивались в алом танце на потрескивающих полешках.

Я устремился к теплу, на ходу отклеивая от тела мокрую куртку. К слову сказать, джинсы тоже липли к ногам, но снять ещё и их было бы не слишком удачным решением. Я крутился перед камином, как праздничный поросёнок на вертеле, подставляя к огню бока и спину и щурясь от удовольствия, когда лестница, справа от массивной стойки, закрипела под чьими-то шагами.

– Добрый вечер, сэр. Ужасная погода, не правда ли?

Если вы учили английский в позднесоветский период, то должны быть уверены, что англичане именно так и общаются. Но я-то был намного более продвинут в этом вопросе, а потому замер, не сразу найдясь с ответом.

– Не правда ли? – настойчиво повторила высокая старуха, задержавшаяся на последней ступеньке лестницы. Она буравила меня холодными голубыми глазами, в которых сквозило явное неодобрение.

– Добрый вечер. Погода, действительно, ужасная, – выдавил я прочно забытую формулу вежливости из учебника Литвиновых. – Простите, что побеспокоил.

– Побеспокоили, да, – мрачно согласилась старуха.

Прямая, как палка, и такая же сухая, с острым носом и ссохшимися губами. В её восковом лице не было ни кровинки, но глаза смотрели пронзительно и позволяли скостить от сотни пару десятков лет.

– Можете повернуть кресло к огню, – разрешила она, – я сделаю вам горячий чай с капелькой бренди.

– Спасибо! – искренне поблагодарил я, хотя вместо капельки бренди предпочёл бы двойной солодовый виски. Но с этим можно было и обождать.

– Скажите пожалуйста... – я замялся, не зная, как к ней обратиться.

– Миссис Чандлер – прочитала старуха мысли, вне всякого сомнения отпечатавшиеся у меня на лбу.

– ...Миссис Чандлер, как часто у вас пропадает связь? – я тряхнул в руке телефон, словно он мог одуматься от такого непочтительного отношения и заработать.

– Не могу сказать. Я не использую этих ваших новомодных штучек.

Она вышла из-за стойки с подносом в руках, и аккуратно поставила его на крохотный столик возле моего кресла. Тонкая, несомненно – фарфоровая чашка, чайник, вазочка с вареньем и плетеная корзиночка с подогретым хлебом – я попал в рай! Поблагодарив миссис Чандлер энергичным кивком – говорить мешали голодные слюни – я принялся за еду, попутно пытаясь осмотреться. Старушка не соврала – там не было ничего «новомодного», даже телевизор отсутствовал, и вообще – ничто не напоминало о том, что я всего-то в полутора часах езды от сумасшедшего Лондона. И что на дворе двадцать первый век.

Потемневшие от времени фотографии в разнокалиберных рамках теснились над тканевой обивкой стен, тяжёлая мебель явно пережила пару поколений владельцев, пол был деревянный, крашеный. Половина бра не горела, и выглядели они закопчёнными, словно под плафонами не лампочки были, а свечи. Вот за такой колорит я и люблю глубинку! Я согрелся и расслабился. Подсыхала у огня, повешенная на спинку стула куртка, я отодвинул кресло подальше от камина, чувствуя жар на коленях и лодыжках.

За окном всё не унимался дождь, размывая по стеклу наступающие сумерки. Как ни жаль, а пора было отсюда выбираться. Завтра мне предстояло выступить с докладом в Лондонском королевском обществе.

Миссис Чандлер стояла возле стойки и смотрела на часы – чудовищного монстра в простенке между окнами. Маятник размером с блюдо для плова ритмично мотался в тёмном деревянном коробе, похожем на вертикально поставленный гроб. Стрелки показывали четверть восьмого вечера.

– Миссис Чандлер! – оторвал я её от этого увлекательного занятия, – скажите, когда идёт ближайший автобус до Лондона?

– Завтра, в половине восьмого утра, сэр.

– Чёрт! – я выругался по-русски, и миссис Чандлер удивленно вскинула ровненькие седые брови.

– Простите! Я немного заплутал, а потом этот ливень... Придётся вызвать такси.

Эта мысль меня не радовала. Стоимость поездки могла сравниться с билетом на самолёт до Москвы...

– Боюсь, у вас ничего не получится, – она всё так же смотрела на часы, поза и голос были напряжёнными, – но вы можете попытаться.

Поджав губы, и без того узкие, старуха указала на телефонный аппарат, которого я не заметил раньше. В такой кричали когда-то «Барышня! Дайте Смольный!». У меня появилось ощущение, что Миссис Чандлер знает что-то, чего не знаю я. И это «что-то» ей не по нраву.

Быть чужаком, и ощущать себя чужаком – совершенно разные вещи. Уютное тепло и очарование старинного паба куда-то исчезли. Я остро почувствовал холод сырых джинсов и футболки, словно по маленькому залу пролетел сквознячок. Но он обернулся ледяным сквозняком, когда из допотопной трубки прозвучало:

– Телефонная компания округа приносит свои извинения за временный сбой в работе...

Я растерянно понажимал на «рожки» аппарата, но это, конечно, ничего не изменило.

Из оцепенения меня вывел голос старухи:

– Вы можете переночевать здесь. У меня есть комната для гостей.

Она предлагала помощь! Но делала это странно – процеживая слова сквозь аккуратные мелкие зубы (протезы, не иначе), с превеликим неудовольствием.

«Да, бабуля, – подумал я, – ты мне тоже как-то не очень симпатична, но ни за что не откажусь!» А вслух сказал: «Огромное вам спасибо!», – продемонстрировав всю искренность, на которую был способен в тот момент.

– Имейте в виду – я ложусь рано, и терпеть не могу, когда кто-то шастает по дому! – отрезала старуха.

– Конечно. Не беспокойтесь!

Внезапно за окном сверкнуло, а следом жажнул такой раскат грома, что задребезжали стёкла.

– Бом-м-м! – ответили грому часы. Я почувствовал себя неудачливым звонарём, оглохшим под куполом самого большого колокола.

Старуха вздрогнула, ухватила бледными пальцами за брошь на воротнике своего серого платья и застыла, напряжённо уставившись на дверь.

Я не знал, что она ожидала там увидеть, но от какого-то тоскливого предчувствия волосы зашевелились у меня на голове. Казалось, дверь медленно открывается... Я перестал дышать. Моргнул. Убедился, что с дверью все в порядке, а не в порядке – со мной, и кашлянул, привлекая старухино внимание.

– Мне бы выпить чего-нибудь покрепче, – и добавил на родном языке, – бабуля.

«Бабуля» медленно повернулась в мою сторону. Её глаза превратились в мутные стекляшки, челюсть расслабленно отвисла, и выглядела миссис Чандлер жутковато. Секунд через тридцать жизнь вернулась на её лицо, она пришла в себя и растянула губы в неживой улыбке.

– Не люблю грозу, – хрипло прокаркала старуха. – Что именно вы желаете выпить?

– Виски. Двойной.

Я много чего мог рассказать ей о грозах, ведь физика процесса хорошо изучена, но вряд ли дело было в этом. Старуху испугала вовсе не молния – её испугали часы. Впрочем, и меня тоже. Надеюсь, что они не трезвонят таким образом каждые полчаса, я поглядел на огонь в камине через золотую напольную плитку, и залпом выпил содержимое стакана. Мне становилось всё больше не по себе в «Тихом углу».

Комната для гостей оказалась мансардной камеркой с узким окном. Дождь приглушённо барабанил по черепичной крыше, гроза утихла и молнии перестали заливать комнату ледяно-голубым светом. Я лежал на высокой кровати, с наслаждением утопая в мягкой перине.

Чистое бельё приятно пахло, глаза слипались от тепла и виски. «Да не такая уж она и противная, для английской старушки», – подумал я, засыпая.

– Тиш-ше, разбудиш-шь! – прошипел кто-то прямо над моей головой.

– Нет. А если и – да, какая разница? – ответил ему другой, более чистый голос.

Я попытался открыть глаза и не смог. Веки словно срослись. Руки, ноги, всё тело были окутаны вялым оцепенением.

– Ты ч-что? Нельзя! – прошипел первый.

– Пахнет вкусно. Смотри, какой симпатичный! Хочу! – капризно отозвался второй, женский, голос.

– А ну, вон отсюда!

Мисс Чандлер умудрилась кричать шёпотом. От этого её ледяной тон стал ещё более грозным. Я ощутил два лёгких дуновения воздуха возле самого изголовья, а потом тихо скрипнула, закрываясь, дверь.

Оцепенение исчезло, я рывком сел, спустив ноги на пол и уставился в темноту широко открытыми глазами. Сплю или нет? Холодный пол убедил меня в том, что я всё-таки бодрствую. Торопливо натянув футболку и джинсы, я тихо, на цыпочках, отправился к двери.

Не скажу, что обычная ироничность могла помочь мне в тот момент – взрослый мужик, доктор физико-математических наук, испуганно замирая, крадётся по чужому дому. Мне было настолько не по себе от того, что я не мог найти никакого рационального объяснения своему страху, что желания иронизировать не возникало. Стараясь не обращать внимания на громко стучащее сердце, я наполнялся решимостью спуститься вниз, и выяснить, в чём дело.

Никогда не понимал, что за глупцы эти герои ужасиков – всегда лезут на рожон! Теперь понимаю. Лежать и вздрагивать в неизвестности, поверьте, куда страшнее, чем столкнуться с угрозой лицом к лицу.

– Б-о-м-м-м! – приглушённо отбили часы в пабе.

Я включил телефон. На дисплее горели цифры – 12-00. Слабый свет выхватил из темноты кусочек узкого коридора и чёрный провал ещё более узкой, и крутой, к тому же, лестницы. Я расслышал голоса – внизу явно что-то происходило.

Напомнив себе, что ступени скрипят, я начал осторожный спуск, ставя босые ноги у самой стены – там, где доски входят в камень. Старое дерево молчало. Чтобы увидеть что-либо в пабе, мне пришлось присесть на корточки перед последним пролётом лестницы.

Зал освещали все до единого бра и люстра в центре. Пять столов были заняты посетителями, а старуха миссис Чандлер сновала между ними со сноровкой юной официантки. На её лице цвела улыбка, даже щёки, казалось, порозовели. Бант белого фартука развевался за спиной. Ночные посетители паба вели негромкие беседы, время от времени поднося к губам бокалы с вином... все они были молоды. Необычно молоды для этого времени суток, непривычно тихи для своего возраста и неприлично красивы для всего, что я когда-либо видел. И чудовищно бледны в ярком свете ламп...

Да-да. Можете начинать кривиться. Я тоже был закоренелым скептиком, и как раз раздумывал над тем, чтобы вернуться в мансарду за ботинками и спуститься вниз незванным гостем – какой уж тут сон – когда моего уха коснулось чьё-то прохладное дыхание.

– Подсматриваешь?

Шёпот и острое прикосновение холодка к шее заставили меня дёрнуться, я отшатнулся и, не удержав равновесия, кубарем полетел вниз, считая ступени всеми выпирающими частями тела. Сверху мне вслед летел переливчатый, задорный смех.

Моё приземление произвело фурор. Все разговоры смолкли, некоторые из гостей миссис Чандлер вскочили, другие вытягивали шеи со своих мест, стараясь меня разглядеть. Я расплёл руки-ноги, которые отдавались болью во всех местах сразу, и медленно поднялся, оказавшись

нос к носу со старухой, хозяйкой «Тихого угла». Она закаменела лицом, губы превратились в едва заметную полоску между носом и подбородком, глаза прожигали меня насквозь.

– Уже выпались, сэр?

Ответить я не успел. Да и нечего было отвечать. В зале поднялся шум.

– Элизабет, дорогая, кто это?

– Лиззи, что за сюрпризы?

– Элиза, что ты наделала?

Восклицания и вопросы сыпались на старуху со всех сторон, но она смотрела только на одного из гостей, который разглядывал меня молча. Он, единственный, казался несколько старше остальных. Этот брюнет стоял возле часов – высокий и прямой, как палка, и неотрывно сверлил меня взглядом голубых глаз. Когда он открыл рот, всё сразу стихло. Стало слышно, как поскрипывает лестница под робкими шагами той, что меня напугала.

– Элизабет, объяснись.

Он не просил. Он требовал. От низкого, глубокого, повелительного голоса, волосы зашевелились у меня на затылке. Я прищурился, но без очков не мог видеть ясно, а они свалились во время падения.

– Он иностранец. Попал под ливень...

Старуха, оказывается, неплохо держала удар! Уж не родственники ли они с долговязым гостем?

– Я не могла его выставить за дверь. Меня бы не поняли. Так что, да, он тоже мой гость!

Что-то ткнулось мне в ладонь, и я опустил глаза – мои очки! Одно стекло треснуло, но я немедленно нацепил их на нос, радуясь, что линзы не вылетели совсем. Девушка, которая их принесла, была невысокой, огненно-рыжей, но без веснушек. На белом лице сверкали карие, почти чёрные, глаза.

– Прости? – шепнула она, но никакого раскаяния я не услышал, напротив, мне показалось, что она едва сдерживает смех.

С трудом оторвав взгляд от её лица – магнетически-правильного, юного и прекрасного, я смог наконец ясно увидеть картину происходящего. И пошатнулся, упираясь рукой в стену, чтобы не упасть. Ноги превратились в ватные турунды, я просто перестал их чувствовать. В горло хлынула желчь, обжигая и заставив поперхнуться. Со ртом, зажатым обеими руками, и глазами, вылезающими из орбит, я смотрел на висящий над стойкой паба женский труп. Он медленно вращался, головой вниз, коротких волос было достаточно, чтобы милосердно скрыть лицо, из-под ключиц тянулись прозрачные трубочки и сходились в горле большой бутыли, до половины наполненной тёмной кровью. Руки трупа были привязаны к бокам, ноги обхватывала толстая верёвка, протянутая через скобу на потолке.

подавив последний рвотный позыв, я обернулся к тому типу, возле часов. Он продолжал смотреть на меня всё это время. Мгновенно вспотев, я сообразил, что сейчас решается моя участь, и помочь некому, старуха не в счёт.

– Послушайте! Меня будут искать! Возможно – уже ищут, – мой голос противно дрожал, как и руки. По лбу катился пот.

– И не найдут, – спокойно отозвался высокий, отделившись от стены и направляясь ко мне.

– Миссис Чандлер! – взвыл я, позабыв обо всём.

Старуха приблизилась раньше, чем холодноглазый. Публика наблюдала, жадно сверкая глазами.

– Кыш, – шикнула она девушке, и та упорхнула в сторонку с коротким смешком. – Томас, остановись! Он действительно иностранец, учёный из России, не турист. Завтра его доклад будет слушаться в Лондонском королевском обществе. Я смотрела документы. Дело серьёзное, его пропажа незамеченной не останется.

– В самом деле? – он потянул воздух носом, тонкие ноздри затрепетали, на миг показался хищный и быстрый, как у змеи, кончик языка.

– Да.

От энергичного кивка у меня хрустнуло в шее. Тихий звук подействовал сразу на всех собравшихся одинаково – они потянули воздух носами, словно учуяли добычу. Лёгкую добычу, надо сказать. Я был жалок, но мне было наплевать. Мною руководил древнейший из инстинктов, и выживание было целью, ради которой можно, оказывается, пойти на многое.

Томас резко, по-птичьи, наклонил голову вбок, продолжая пристально смотреть мне в лицо. Он не моргал! Не моргнул ни разу! Прямые волосы ссыпались ему на плечо, на высокий лоб. Красиво очерченный рот скривился, выдавая разочарование.

– Ты должен уйти. Сейчас. Элизабет отвезёт тебя до города. Не стоит болтать о том, что видел. Никто не поверит.

Он протянул руку, почти задевая меня отогнутым манжетом голубой рубашки, и выдернул из бутылки одну из трубочек. Кровь вяло закапала в подставленный бокал. Когда набежала треть объёма, он поднёс бокал к губам, и выпил, глядя мне в глаза через стеклянный ободок.

– М-м! Том, я его хочу, – капризно заявила рыжая, стоило мне шагнуть к лестнице.

– Эмили, уймись, – досадливо отмахнулся Томас.

Дальше я не слушал. Взлетел наверх за курткой и ботинками, и напоролся на суровый взгляд миссис Чандлер, выходя из комнатки.

– Идите за мной, сэр, – проскрипела она. – Мне нужно вернуться до рассвета.

Вот и всё. Почти всё. Меня трясло всю дорогу до ближайшего городка, но я умудрился задать старухе пару вопросов. Она коротко глянула в мою сторону, на миг оторвавшись от пятен света, шаривших по дороге – темноту разгоняли только фары машины.

– Забыть бы вам всё это, сэр. Видимо совсем я состарилась, чужакам помогать взялась. Но мы-то с вами, как-никак, люди.

Она покачала головой. Не отрывая взгляда от дороги, и продолжила:

– Да, Томас мой родственник. Он – отец моего деда. Прадед. У остальных никого не осталось среди людей, вот они и собираются в полнолуние у меня. Посидеть, пообщаться – живут-то в разных концах света, а вышли все из наших мест.

Кем была эта леди я не знаю. И знать не хочу. Не смотрите на меня так, что я могу изменить?

Эмили – глупая вертихвостка. Съела бы вас втихаря ещё в спальне, если бы не я. Так-то, сэр.

Я долго стоял возле кафе у заправочной станции, глядя вслед красным огонькам её машины. Даже тогда, когда они совсем растворились во влажной темноте ночи, я продолжал смотреть. А днём с блеском выступил в Карлтон Хаус.

Вот теперь история подошла к концу. Остался суший пустяк – нажать enter и пройти на посадку. Становится всё труднее держать себя в руках, особенно в такие лунные ночи, как сегодня. Чем больше людей вокруг, тем громче звучит в ушах быстрая пульсация горячей человеческой крови. Я знаю, что скоро сорвусь, и хочу быть там, в «Тихом углу», у миссис Чандлер, когда это случится.

Она меня всё-таки укусила тогда, на лестнице, красотка Эмили. Всего-то две жалких царапины перед тем, как я рухнул вниз...

Елена Румянцева

Об авторе: Румянцева Елена, родилась и живу в Петербурге.

Окончила литературные курсы «Мастер Текста», ученик Литературной Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ.

Неоднократно принимала участие в различных конкурсах и проектах. Рассказ «Гости» занял третье место в конкурсе «Дальний космос» в 2017 г. В том же году рассказ «Пусенька» вошёл в шорт-лист конкурса «Домового», проводимого издательством Астрель СПб. Рассказ «Розы для кикиморы» попал в шорт-лист Международного литературного конкурса «Большой Финал 2017-2018» в номинации «Рояль в кустах». Результатом одного из проектов стало издание книги «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона в России», в которую включена моя новелла «Скифское золото» и литературным редактором которой я являлась.

Пишу разножанровую прозу. Стараюсь, чтобы в моих рассказах были юмор, приключения, тайны и интересные живые герои. Почитать некоторые тексты можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Аллен.html>

Хорошая девочка

«Мы работаем, а у тебя каникулы». С точки зрения Риты, довод более чем странный, чтобы на его основании посылать к бабушке в деревню.

Рита не ездила туда больше десяти лет и желанием не горела. Там, верно, и телефон-то не ловит, что уж об интернете говорить. «Надо помочь бабушке». Блин, огород копать, что ли? Дрова рубить? Воду ведром из колодца носить? Ну и помогли бы сами! Тащиться, конечно, всё равно пришлось. Предки...

Она чуть не проехала нужную остановку и сообразила остановить маршрутку в последний момент. Как всё изменилось! Куда-то делись кусты с обочины. Или эти деревья – они и есть? Узкую быструю речку едва можно разглядеть сквозь лес борщевика. Растения выглядели как декорации к фильмам ужасов – высотой с полтора человеческих роста, в руку толщиной, с гигантскими коричневыми «зонтиками». Рита не удивилась бы, выломись из буро-зелёных зарослей тиранозавр или какой-нибудь монстр. Атмосфера к этому располагала.

Чего в деревне не отнять – это воздуха. Рита выдохнула едкие пары бензиновой вони, которыми надышалась за полтора часа езды в маршрутке, и с наслаждением втянула носом запах нагретой солнцем земли и скошенной травы. И навоза. Добро пожаловать на село, детка!

Дом прятался за деревьями на самом краю деревни. Девушка дотащила тяжёлые пакеты с «гостинцами для бабушки» и с наслаждением сгрузила на лавочку около веранды. Покрутила онемевшими кистями рук. Пальцы разгибались с трудом и напоминали красные сосиски, перетянутые уродливыми белыми бороздами от ручек пакетов. «Отвези продукты бабушке, автолавка редко приезжает, до магазина далеко». Ишак по имени Марго, чудесно...

После того, как Рита подросла и наотрез отказалась ездить в скучную деревню, родители навещали бабушку редко – далеко, да и работали много. В отпуск же хотелось на юг к морю, а не к огородным грядкам в Ленобласть.

Девушка осмотрелась. Удивительно – старый дом выглядел вполне ухоженным. Ни покосившихся ставень, ни падающего забора. Ни травы с человеческий рост... Ай да бабуля! Как же одна справлялась? Ей же чуть ли не под сто лет. Или помогал кто?

В траве под деревьями запищало. Рита удивленно оглянулась, сделала пару шагов и наклонилась. Маленький птенец, голенький, дрожащий, вытягивал тонкую шейку и разевал на удивление большой для такого тщедушного создания клюв. На голове и тельце топорщились в разные стороны одинокие пушинки. Девушка осторожно взяла птенца в ладошку – он вполне уместился – и поднесла ближе к глазам, рассматривая. Какой-то гадкий. Весь в пупырышках, глаза словно затянуты плёнкой, кожа бледная. Верещит мерзко. По Ритиным детским воспоминаниям, жёлтенькие соседские цыплята выглядели гораздо симпатичнее. Наверное, они были постарше, а этот совсем... Ай!

Птенец заворочался, засучил лапками и острыми коготками вцепился девушке в ладонь. Рита вскрикнула и невольно сжала пальцы. Хрустнуло. Писк прекратился. Сквозь пальцы просочилась и закапала в траву бурая жижа. Уже догадываясь, что произошло, дрожа от отвращения и гадливости, девушка разжала кулак. Лысая головка птенца соскользнула и свесилась на изогнутой под странным углом шейке. Одна лапка дёрнулась, медленно распрямилась и замерла, растопырив полупрозрачные пальцы. Из раздавленного брюшка выдавились синевато-красные глянцевые внутренности.

Риту едва не стошнило. Взмахом руки она стряхнула всю эту мерзость в траву и судорожно схватилась за огромный лопух – вытереть, вытереть, вытереть скорее, фу-у-у! Держа на отлёте испачканную руку, другой неловко достала из сумочки влажную салфетку. Обтёрла ею ладонь, бросила, достала вторую. Господи, а вдруг он орнитозный какой...

– Приехала. В кои-то веки, – проскрипело сзади. Девушка подпрыгнула.

Красавицей бабушку и раньше вряд ли бы кто назвал, только если в шутку. Годы скрутили её почти в колесо. Лицо как печёное яблоко. Из-под тёмного платка выпала и покачивалась у длинного носа седая неопрятная прядь. Пальцы с распухшими артритными суставами крепко сжимали устрашающую на вид клюку. Где она такую нашла? Сейчас перехватит дубину за конец, да ка-а-ак треснет... Рита заулыбалась насколько смогла радостно.

– Привет, бабулечка! Столько лет тебя не видела! Соскучилась! Я тебе вкусенького привезла. Родители собрали...

Потянулась было поцеловать морщинистую щёку и не смогла – от старухи пахло кошками и затхлой плесенью.

– Ещё бы позже приехала-то, уж скоро темнеть начнёт, – буркнула бабушка. Нежно-стыю и приветливостью она никогда не отличалась. Её выцветшие неопределённого цвета глаза посмотрели вдруг пристально и зорко. – Вижу, выросла совсем. Хорошей ли ты девочкой стала, внучка?

– Ну-у-у... – неопределенно протянула Рита.

Когда-то бабушка спрашивала так каждый вечер. Девочка, не сомневаясь ни минуты, отвечала «да, бабуль!» и скорее бежала в постель. Бабушка тогда садилась у её кровати на мягкий малиновый пуфик и рассказывала странные сказки, которые никогда не повторялись. Про королеву старого дома и морщинистых карликов, её верных слуг. Про падших ангелов и заблудившиеся души. Про то, что со смертью заканчивается далеко не всё.

Рита поморщилась. Нет, серьёзно, как отвечать на дурацкий вопрос? Хорошая девочка... Не хуже многих, между прочим.

– Бабуль, как ты тут? Может помочь чем? – увильнула она от ответа. – Я ведь на пару дней только. Дела, понимаешь...

– Городские живут для дел, будто и не живут вовсе, – непонятно согласилась старуха. – Идём, накормлю сначала, а потом поглядим, к чему тебя можно приспособить.

***

Маникюр к чёрту, и стразик с ногтя потерялся. Гадские мозоли...

Рита обессиленно упала в траву. Светлые модно-рванные джинсы всё равно не спасти, как и милые белые кедки. Месить тяжёлой тяпкой комки серо-жёлтой земли – менее интеллектуального занятия и придумать сложно! Двадцать первый век на дворе... И деваться-то некуда, сама вызвалась помогать. Загорать на лужайке под взглядом бледно-голубых бабушкиных глаз было решительно невозможно. А в детстве Риту все эти сельхозработы почему-то не угнетали. Ничего удивительного, чем же ещё заниматься в деревне ребёнку без интернета?

Девушка раздражённо отогнала от лица назойливую муху. Кстати, о мухах. Что-то их много. Если учесть, что из возможных водных процедур в перспективе намечается только обливание из лейки... Да что ж такое-то! Рита повернулась на зудящий звук и заглянула под куст. Лучше бы она этого не делала.

При жизни пёс был обыкновенной жёлто-бурой дворнягой. Пока его практически не разорвали на две половинки... Кто мог проделать с собакой такое? Монстр из зарослей борщевика? Саблезубый тигр на просторах Ленобласти? По оскаленной перекошенной морде медленно ползла зелёная муха. В тусклых вывернутых наружу потрохах копошились белёсые черви. Обглоданная до кости, вывернутая из сустава, передняя лапа торчала из травы как палка. С порывом ветра волной накатил отвратительный запах.

До Риты дошло, наконец, осознание увиденного. Взвизгнув, она перекатилась на четвереньки и вскочила. Так, хватит с неё деревни.

Девушка успела сделать всего несколько шагов, когда над её головой пронеслась огромная крылатая тень. Рита инстинктивно пригнулась, закрываясь руками, и ошеломлённо выглядывая из-под локтя. Крупная чёрно-серая ворона разворачивалась на правое крыло, заходя в вираж для следующей атаки. Птица пикировала молча и сосредоточенно. Девушка бросилась

к дому со всех ног. Так это воронёнка она случайно... Как шквальным ветром рвануло сверху. Вороньи когти чиркнули по вскинутой руке, запутались в растрепавшихся волосах и вырвали приличный клочок. Рита ввалилась на веранду и захлопнула дверь. Тоненько звякнули разноцветные стёклышки в ромбовидных оконных сотах.

В кресле-качалке сидела окровавленная старуха. На неё будто целое ведро сверху выплеснули. Девушка вцепилась рукой в косяк и тоненько заскулила, не в силах отвести взгляда от неподвижной фигуры.

– Что это ты? Перетрудилась? Быстро, – холодно молвила бабушка и оттолкнулась ногой. Кресло-качалка скрипнула, и старуху залило синеватыми отблесками, превратив на миг в ожившего зомби. Цветные стёкла! Рита задыхалась как рыба, вытасченная из воды.

– Я вспомнила! Мне срочно надо домой! Когда маршрутка в город идёт?

– Когда идёт не знаю, а по расписанию завтра утром. Только она о том расписании не догадывается, живёт себе как хочет. Ты дома, внучка, – бабушка снова качнулась. Окровавленная-зомби-окровавленная-зомби. – Куда ты на ночь глядя собралась? Темнеет уже. Сейчас гроза начнётся.

Рита быстро глянула сквозь единственное обыкновенное стекло. И верно – тяжёлая чёрно-синяя туча напознала на крышу дома, подминая клубящимся брюхом вечернее небо. Ветер рвал кусты. Мимо веранды пролетел пакет, сушившийся на заборе. Хлопнул, будто крыльями, и сгинул в темноте. Делать нечего, придётся ночевать.

В старом доме существовало много-много правил. Нельзя бегать по длинному коридору. Нельзя скакать и топать. Нельзя кататься по перилам лестницы со второго этажа, залезать на чердак и – ни в коем случае! – в подвал. Хорошие девочки ничего такого не делают. Они моют руки и ужинают, постелив на колени салфетку. Не следует при этом, захлебываясь от впечатлений, кричать: «На лопухе такой жук огромный сидел, бабуль!». Послушные девочки молчат за ужином. Соблюдают правила старого дома. И тогда их никто не тронет.

Оказывается, Рита всё это помнила. А ей казалось, что забыла. Она не любила ездить к бабушке в деревню. Но кто всерьёз воспринимает желания и рассказы маленьких детей?

***

Рита проснулась от того, что очень хотелось пить. И в туалет. Вот – одновременно.

Она спустила ноги с кровати, но тут же втянула обратно. Кровать – это домик. Такое правило – в домике не трогать. Хорошие девочки ночью спят. Поэтому ничего плохого с ними не случится. А если ты ноешь и шляешься по дому то попить, то пописать, то «бабулечка, ну очень кушать хочется, а можно мне печеньку»... Тогда извини. Ты не хорошая. Ты – добыча.

По стеклу что-то длинно царапнуло с мерзким звуком. Рита подскочила, оглянулась на окно. Ветер мотал сломанную ветку старого клёна. Нечего сочинять ерунды, за окном никого нет! Уж если *они* спрятались, то под кроватью, конечно... В черном провале между кроватью и дощатым полом. Стоит опустить ногу, как сухонькая ручка с кривыми пальцами тут же схватит за голую щиколотку и потащит в темноту. Вырваться невозможно.

По стенам и потолку плыли размытые тени. Девушка знала – *они* сливаются со сгустками темноты и ждут. Терпеливо ждут. Потом набрасываются все вместе, и спасения нет. Ты станешь одной из них – морщинистым карликом, хранителем старого дома. Рабом их королевы.

Смерть – вовсе не самое страшное, что может случиться, говорила когда-то бабушка.

Да что такое в самом деле! Какие карлики?! Ей, студентке второго курса, это... просто смешно. Стоит включить свет... Точно, здесь же нет бра над кроватью!

Странно. Девушка прислушалась. Полночи не могла заснуть из-за храпа старухи, а теперь совсем тихо. Даже рыжая бабушкина кошка не скреблась в дверь, требуя пустить на подушку.

Надо идти. Уже очень надо.

Рита в два прыжка оказалась у стены и с размаху шлёпнула по клавише выключателя. Ничего не изменилось. Света не было. Электричество часто выключали в деревне – из-за ветра, из-за грозы, из-за срезанных селянами проводов.

Девушка включила фонарик на телефоне и шагнула через порог комнаты. Туалет в конце коридора. Семнадцать шагов. Доска под ногой застонала, будто с кого-то потянули лоскут кожи. А если они на потолке?! Прыгнут сверху, со стены... Коготки вонзятся в шею, вот в это место над ключицей, где оглушительно бьется пульс... Белый луч заметался по сторонам, выхватывая из темноты стены, закрытые двери, какой-то сундук, а над ним старое пальто, свисающее боком, как висельник. Рита рванулась, влетела в туалет и захлопнула за собой дверь. Прижалась лопатками и, бурно дыша, нащарила рукой выключатель. Но света не было! Луч фонарика скользнул к унитазу.

Большие влажные глаза смотрели на нее с внимательным ожиданием.

Рита дёрнулась и стукнулась затылком о дверь.

Карлик спрыгнул на пол. Ростом он едва доставал девушке до пояса, но кожи на нём было как на двоих карликов. Она свисала морщинистыми неровными складками, и бурая шерсть покрывала её редкими клочьями. Складки колыхались, перетекали одна в другую, как будто жили собственной жизнью. Уродливый нос клювом нависал над губами, вымазанными красным. Карлик отбросил обглоданную кошачью лапку с клочком рыжей шерсти. Тонкие руки с многосуставными подвижными пальчиками потянулись к Рите. Они шевелились как пауки. Кривые тени делали пальцы огромными, живыми существами.

Девушка почувствовала, что воздух вокруг неё сжимается, давит всё сильнее и сильнее. Пахнуло сыростью и затхлой плесенью. От прикосновения холодной скользкой кожи гигантских пальцев Рита отшатнулась. Взвизгнула, уронила телефон и, срывая ногти, вцепилась в дверь, не в силах сообразить, в какую сторону она открывается.

Скрежетнул, поворачиваясь, ключ в замке. По коридору удалялись шаркающие шаги, почти заглушившие дребезжащий старческий голос:

– Непослушная девочка. Плохая девочка...

Когтистые морщинистые ноги в затухающем на полу луче фонарика сделали первый медленный шаг.

Собиратель

В последний миг осознание предстоящего ужаса ослепило его. Кир отшатнулся было назад, в тёплый сумрак комнаты. Но не успел.

Нога скользнула по заледеневшей жести подоконника, брызнуло крошево старой краски. Рука описала судорожный полукруг и не встретила опоры. Пальцы другой с визгом проехали по стеклу. Доля секунды, четверть стука сердца – вечность, в которой кожа пальцев миллиметр за миллиметром отрывалась от оконного стекла – отделила Кира ещё живого от него – уже мёртвого.

Сорвавшись в восьмиэтажную пропасть, он закричал, но не услышал себя – звук унесло вверх. Холод залепил нос и рот, перекрыл дыхание. Ветром рвало кожу и волосы, резало глаза. Брызнувшие слёзы превратили бездну под ним в расплывающееся пятно. В заложенных ушах грохотала кровь.

Боль – рвущая, мучительная – скакнула от солнечного сплетения, под ребра и вверх. Сердце билось прямо в горле. Боль была уже в голове – и вдруг взорвалась в мозгу огненной вспышкой. На мгновение пронзительный свет выбелил мир перед его глазами, а потом обуглился по краям неровной траурной каймой. Темнота рванула к центру вспышки, пожирая её. Кир протолкнул в себя полглотка каменного холода и не почувствовал боли. Была только тьма, а Кира больше не было.

Мёртвое тело с мерзким хрустом впечаталось в асфальт, брызги разлетелись широким полукругом. С канализационного люка в разные стороны порскнули голуби. Разноголосым хором взвыли сигнализации машин. С секундной паузой к ним присоединился истеричный женский визг.

Звуковая волна этого визга ударом вышибла Кира из темноты. Он осознал себя, задыхающегося, дрожащего, снова стоящим на подоконнике своей комнаты. Эхо визга ещё таяло в ушах.

Кир посмотрел вниз. Тело темнело на асфальте нелепой каплей. К нему со всех сторон сбегались люди. Всё поплыло перед глазами, в ушах тоненько зазвенело – ног Кира на подоконнике не было. Только мощные мускулистые лапы, с тремя сильными многосуставчатыми пальцами. Длинные когти изуродовали подоконник глубокими вспаханymi бороздами. В смятении Кир отшатнулся и непроизвольно взмахнул руками, задев раму окна. Пара чёрных пёрышек взметнулась перед лицом в воздух, и их унесло в небо. «Я больше никогда не упаду!» – пронеслось в мозгу. Кир засмеялся, глядя в серую небесную муть. Хриплый клёкот мгновенно растрепал ветер.

Если бы он знал тогда, что падать – это вовсе не самое страшное...

***

– Нет! Нет-нет-нет... – бормотал бледный до синевы рыжеватый мужчина и отползал, пятясь задом. Вскидывая руки, заслонялся растопыренными пальцами. Всхлипывал, скулил и часто-часто икал от ужаса. Сопли и слюни, мешаясь, тянулись с подбородка тонкими обрывающимися нитями. Он видел Кира. – Я не... Не надо! Не меня! Не меня! Не надо!

Они всегда сразу понимали, зачем появился Кир. Но всё равно пытались спрятаться, уговорить, отсрочить. Как много их уже было. Как много их ещё будет. Потому что Кир – Собиратель чёрных душ. Это его работа. От него спастись невозможно.

Приспущенные расправленные крылья кончиками перьев прочертили полосы по мокрому асфальту. Клацнули когти переступивших лап. Кир приблизился так близко, что увидел себя в распахнутых глазах рыжего. Собиратель отражается только в глазах своих жертв, больше – нигде.

Зрачки оплывающего в холодном поту мужчины – как провалы в канализационный люк. В тёмной глубине вспышками мелькали картинки, скручиваясь в спираль боли в его голове. Рыжий судорожно всхлипнул, вцепился обеими руками в волосы и засучил ногами, пытаясь отодвинуться, пытаясь спастись. Но Кир не позволил.

Он видел голые детские бёдра, на которые уверенно легли мужские руки, разводя их широко в стороны.

Худые лопатки, как сломанные крылья, и цепочка позвонков свернувшейся в тугой комочек девочки. Лицо уткнулось в колени, руки обхватывают поджатые к животу ноги. Ногти обломаны, и пальцы – белые.

Кир видел синие шорты в клетку, носки с котятками. Ноги как у жеребёнка – тонкие с выпуклыми коленками – осторожно делают шаг, и ещё. «Смелее, малыш, мы просто прокачимся! Ты совсем большой и боишься? Ну же, давай, тебе понравится!»

В подсыхающей глянцевой пленкой луже, уже чёрно-багровой по краям, боком затонул жёлтый сандалик с облупленным носом...

Собиратель вынырнул из темноты зрачков жертвы. Достаточно. Время пришло. Текущее по-разному для них и для живых, оно неумолимо приближалось к точке пересечения. Кир повёл головой, разминая шею и плечи перед полётом. В последний раз посмотрел в запрокинутое белое лицо – округлые почти женские щёки в светло-ржавой щетине, тонкие губы и розовая полоска на переносице от очков. Придавил свою жертву лапой к асфальту, поудобнее перехватил пальцами, и когти глубоко погрузились в её бока и грудь. Рыжий взвизгнул и забился. Фантомная боль угаснувшего сознания, но для него она абсолютно реальна. Боль, которая будет с ним долго, очень долго. Вечность.

Кир сделал несколько мощных взмахов крыльями и поднял свою ношу в воздух. В повороте ложась на правое крыло, он увидел, как к распластанному на земле человеку подбежали преследователи. Один из них рывком перевернул мёртвое тело на спину с чёрными кляксами от пуль и несколько раз остервенело выстрелил в упор. Громкие хлопки слились с резким звуком полицейской сирены, и синий дрожащий свет всполохами догнал извивающуюся и воющую жертву в когтях Собирателя.

Кир поднялся выше и поймал воздушный поток.

***

Собиратель укрепился на узком отливе окна, вцепившись когтями в тонкую жёсть. Его цель – жилистый мужчина неопределённого возраста, густо покрытый татуировками, с бритым черепом и мятым лицом. Сгорбившись, он сидел на продавленном диване в глубине комнаты. Даже сквозь волнистое от многолетней грязи стекло прорывался удушливый запах сивушного перегара, табака и потного человеческого тела. Мужчина сдернул зубами с руки тонкий резиновый жгут, бросил на пол перед собой пустой шприц и опёрся локтями о расставленные колени. Осталось подождать, когда концентрация химикатов убьёт человека. Много времени это не займет.

Громко стукнуло, распахнувшись, окно соседней квартиры. Кир вздрогнул от неожиданности. Цепляясь руками за раму, из комнаты на подоконник выбирался мальчишка. Подросток. Кир чуть сместился в его сторону и покосился одним глазом. Толстые колени соскальзывали, и силы рук не хватало, чтобы рывком вытащить полное тело наружу. Весь он был какой-то нескладный, шумный, сопящий. Мальчишка с трудом встал на дрожащие ноги. Опасно качнулся вперед, но удержался, слепо обводя взглядом крыши домов, дымки труб на горизонте и близкое с этой высоты, подсвеченное городом небо.

У мальчишки были абсолютно стеклянные зарёванные глаза. Ничего он не соображал, кроме одного – как больно! Не хочу! Не могу больше... Все было на поверхности – позорное болтание на канате на уроке физкультуры, и немота у доски, и унижительный гогот класса. Брезгливо-снисходительная улыбка темноглазой девочки. И жалостливое мамы «что же из тебя

получится...». Отчаяние от нелюбви к себе. Бессилие и опустошённость. Оглушающее одиночество. Но глубже, под всем этим, Кир видел долгую, очень долгую жизнь, которая не случится, как только этот дурак сиганёт вниз.

Когтистая лапа поехала по жестяному отливу, Кир захлебнулся отвратительно-горькой волной воспоминаний. Оказывается, он всё ещё помнил, как руки рвали залипнувшую старой краской раму окна. Как голубым бликом таяла на экране телефона смс, которая только что разнесла его сердце. Несколько слов сделали это вернее, чем выстрел из сорок пятого калибра. Помнил, как с рыдающим всхлипом «Ссссука! Сука!», он встал на подоконнике в полный рост и...

Собиратель не думал, что будет дальше. Не знал, какое наказание последует, и что случится с ним потом. Он не должен был этого делать, не должен! Но не сделать – не мог.

Кир спрыгнул с подоконника, сложным пируэтом развернулся в воздухе и несколькими взмахами крыльев бросил себя в соседнее окно. Его несло прямо на мальчишку, и, широко раскрыв крылья, он попытался погасить скорость. Такой силой удара он бы пацана убил. Выставленными вперед напружиненными лапами Кир толкнул мальчишку так, что того снесло с подоконника. Он тяжело рухнул в глубину комнаты, и там что-то повалилось с дребезгом и грохотом.

От толчка Кира отбросило. Не зацепившись, когти процарапали загремевшую жёсть. Он сорвался с карниза и провалился спиной назад как глупый толстый голубь. Несколько мгновений падения ошеломили. Воздушный поток швырнул, переворачивая лицом вниз. Навстречу неслась бездна. Рефлекторно сделав взмах, он не почувствовал привычного торможения. Холод рвал и трепал тело. Не вздохнуть, не выдохнуть. Не закричать. Судорожно забился, мелькнули... руки, которыми Кир молотил воздух в тщетной попытке спастись. Он зажмурился изо всех сил, и ветер жестоко содрал с век обжигающие слёзы. Вот теперь – всё.

Сквозь сжатые веки проступило светлое пятно. Шум крови в ушах становился слабее. Кир втянул в себя воздух и понял, что снова может дышать. Осторожно приоткрыл глаза и сразу сощурился, настолько ярок был свет. Вокруг ничего не было кроме потока желтоватого тёплого света, который струился сквозь него, сквозь его волосы и растопыренные пальцы. Ему не нужны были крылья. Кир больше не падал.

***

– Я подполз к окну и успел увидеть... сперва показалось, что большую уродливую птицу с толстыми ногами, а потом понял, что это человек, – Сергей Иванович приобнял и осторожно поправил на коленях внучку, которая слушала, распахнув глаза и от внимания приоткрыв рот. – Он был уже очень высоко и становился все меньше и прозрачнее, как будто таял. Как льдинка в реке. И... он исчез.

– Я думаю, деда, это был ангел, – после вдумчивой паузы авторитетно заявила Ната. В свои шесть лет она знала об ангелах практически всё. – Только какой-то неправильный. Крыльев же у него не было? Ну вот! И потом... что же он дрался? Ангелы больно не делают!

– Чтобы спасти, иногда приходится делать больно, – улыбнулся ей Сергей Иванович и привычным движением провел пальцем по длинному шраму от виска к подбородку.

– Ната, пирожка с яблоком хочешь? – донеслось из открытой двери, перекрывая возбужденный говор за стеной, и шарканье ног, и приветственные возгласы в холле.

– Хочу! – закричала в ответ девочка и спрыгнула с колен деда так резво, что тот, оглушенный, только крикнул от осязательного пинка острым локтем. – Иду, бабуль!

Сергей Иванович посидел еще немного в тишине кабинета, задумчиво поглаживая шрам и прислушиваясь к праздничной суете в доме. Потом встал и вышел к гостям. Большая семья отмечала сегодня его семьдесят пятый день рождения.

Евгения Кинер

Начинающий автор в жанре мистики, фэнтези и фантастики. Имеются публикации в нескольких фантастических сборниках.

Йольская ночь

Йольские дни – время темноты и холода. Солнце едва успевает вспыхнуть над горизонтом, как вновь наступает ночь. Деревья обрастают белым инеем, чёрную землю покрывает снег, дыхание разлетается ледяным туманом. В эти дни люди стараются не выходить на улицу – того и гляди, наткнёшься на кого-нибудь из духов зимы.

Но Хинрику в тепле не отсидеться. Тётка Сиг, старая ведьма, ни за что не позволит. Да и не родня она ему вовсе, берёт на воспитание мальчишек из бедных семей, но те надолго у неё не задерживаются. Говорит, сбежали бездельники, не желали работать! Да только Хинрик уверен: извела! Замучила!

Сказать по правде, Хинрик делами себя не утруждал. Утром удрал с мальчишками на замёрзшее озеро покидаться снежками. Поглядел, как на краю леса украсили Йольское дерево – красные фигурки фей заманчиво блестели на ветках, но трогать их не стоило, иначе жди неприятностей. Едва успел проголодаться, а тут и солнце зашло. Хочешь не хочешь, нужно возвращаться домой. Эх, раскричится старая Сиг... Так оно и вышло.

– Лентяй! Лодырь! Воды не принёс! Пол не вымел! А в лес сходил? – бушевала старуха. – Ещё до снега обещал! Сколько дней прошло? Как теперь? Хозяйки придут купить остролист и омелу, а их нет! Бездельник, ох и доберётся до тебя...

Кто доберётся – Хинрик не услышал. Схватил мешок и, на ходу натягивая шапку, понёсся в сторону леса. И как он забыл про омелу? По снегу-то, поди, до старого дуба не дойти...

Во дворе встретился Ульвар, второй воспитанник тётки Сиг. Он мог бы стать Хинрику лучшим другом, но был старше и относился к мальчику снисходительно, как к маленькому, хоть и дружелюбно.

Ульвар прислушался:

– Чего это Сиг разбушевалась? Опять бездельничал? Кем пугает? – улыбнулся он, потрепав Хинрика по голове.

– Не знаю, – буркнул мальчик. – Крапусом, Грюлой, а может, всеми Йоласвейнарами сразу... А всё равно, она сама страшней их всех. Пойду искать омелу... Пусть хоть весь дом обвесит.

Ульвар усмехнулся.

– На вот, – он протянул мальчику пирог, завернутый в полотенце. – Перекусишь по дороге. Сам виноват, дотянул до последнего. Беги, может успеешь. Помнишь ведь, кто приходит за лентяями?

Хинрик пирог взял, хоть и поморщился. Обзывает лентяем, а сам-то – работал? Поди, опять к невесте ходил! Полотенце вон какое вышитое, не наше!

Сумерки быстро сменила темнота. Снег в лесу оказался глубоким, идти стало сложно. Хорошо хоть луна сегодня вышла круглая и яркая, в её голубоватом свете мальчик легко находил знакомую дорогу. Тени деревьев, покачивающихся на ветру, скрип веток, хруст снега под ногами (его или чьими-то ещё?) пугали, ледяными пальцами стискивали грудь. Сердце билось часто, зубы стучали от холода и страха. Хинрик поминутно оглядывался, всматривался в темноту. Как только увидел старый дуб, приободрился. Выдохнув, он открыл мешок и стал обрывать вросшие в тёмную кору пучки омелы, благо висели они низко. Рвать приходилось осторожно, холод сделал листья хрупкими, хотя они оставались такими же ярко-зелёными. Так просто это растение не убить.

Внезапно сзади послышался скрип деревьев, верхушки их закачались, обсыпая вниз водопавы снега. Хинрик обернулся. Что-то большое, чёрное, туманно-расплывчатое закрыло луну, сразу стало очень темно.

«Туча, – попытался убедить себя Хинрик, – просто туча. Сейчас её унесет ветер...»

Скрипучий вой, похожий на крик банши или рёв больного ребенка, разрезал ночь. Хинрик закаменел от ужаса, живот скрутило, сердце вновь бешено забилося. Он судорожно оглядывался по сторонам, но ничего не видел. Чернота приближалась. Дрожа и промахиваясь, мальчик сунул руку за пазуху и вытащил завернутый в полотенце пирог.

– Вот! – заорал он. – Держи! Не трогай меня!

Чернота качнулась, он зажмурился, а когда через минуту открыл глаза, в небе вновь светила луна. Пирог исчез. Хинрик сделал несколько шагов вперёд. Никаких следов. Наверное, это действительно была туча, а пирог просто провалился в снег. Эти мысли немного успокоили, но оставаться здесь мальчик больше не мог. Он схватил мешок и помчался в сторону деревни, прыгая по сугробам, как заяц. За его спиной, тихо ступая и мягко касаясь веток деревьев, двигалось мутное тёмное облако. Иногда оно закрывало луну, а иногда в небе загорались целых два ярко-жёлтых светила.

Незадолго до полуночи Хинрик добежал до деревни. Сейчас она выглядела иначе. Тишина стояла такая, что, казалось, уши залиты водой. Дороги замело, дома будто давно заброшили. Но в окнах горели пирамидки-светильники: в самую холодную, самую долгую в году ночь никто не спал. Открывались двери между мирами, духи бродили среди людей. Страх собирал всех вместе у горячего живого огня, ведь кого-то сегодня всё равно заберут...

Хинрик стучал в дома, предлагая пучки омелы за несколько монет. Брали охотно, украшали лентами, красными и белыми – цветами крови и снега, цветами Йоля. Вешали над входом, а дверь поскорей запирали, сами дивясь такой поспешности. Чернота, проникшая в деревню, щекотала кожу, заставляла ёжиться, как от холодного ветра, всех, кто был поблизости.

Распродав почти всю омелу, Хинрик, наконец, решил вернуться. Он устал и совсем проголодался. А Сиг хоть и станет ругаться, но поесть даст. Он толкнул дверь и почувствовал вкусный запах мясной похлёбки.

– Явился! – тётка Сиг недовольно уперла руки в бока и погрозила мальчику. – Где омела?

– Продал! – Хинрик гордо высыпал монеты на стол.

Тётка покачала головой. Ульвар, сидевший за столом в красивом новом свитере, с миской похлёбки, подмигнул мальчику.

– А нам-то оставил? – уже не так грозно поинтересовалась тётка.

– На крыльце в мешке ещё есть! – выкрикнул мальчик. Он нашёл свою миску и пытался подобраться к котлу.

Сиг направилась ко входу. Когда она открыла дверь, порыв ледяного ветра ворвался в дом. С ним внутрь скользнуло что-то большое, чёрное, зыбкое, будто дым. Оно закружилось, сгустилось и превратилось в чёрного кота, размером не меньше лошади, а то и побольше. Круглые жёлтые глаза с голодной жадностью уставились на Хинрика. Мальчик в панике юркнул под лавку.

– Ты привёл Йольского кота! – заголосила Сиг.

Она попыталась опрокинуть на зверя кипящую похлёбку, но тот на лету проглотил горячее варево вместе с котлом. Огонь в очаге зашипел и погас, светильники на окнах задымались и померкли. Кот, облизнувшись, двинулся к столу и, мгновенно съев всё, что на нём стояло, хитро поглядел на людей. Он немного утолил голод и теперь хотел поиграть перед тем, как их поймать. Ульвар схватил тяжёлый ухват и попытался отогнать кота, но тот легко взмахнул когтями и придавил парня к полу. Оскалив зубы, он приблизил огромную пасть к лицу Ульвара, но внезапно чихнул, глаза его заслезились. Утирая нос лапой и продолжая чихать, кот выпустил добычу. А потом подхватил зубами и вышвырнул за дверь. Хинрик удивленно выглянул из-под лавки, но вспомнил, как однажды слышал, что Йольский кот не переносит запаха свежей шерсти. Новый свитер, подаренный невестой, похоже, спас Ульвару жизнь.

Сиг тоже поняла это и попыталась добраться до сундука, где хранила нитки, спрядённые по осени. Но за окном раздались тяжёлые шаги, в такт им задрожали стены дома, затрясся пол. Кот утробно замыкал и радостно заметался. В открытую дверь просунулась огромная рука с длинными кривыми пальцами и чёрными когтями. Кот пришёл не один, следом явилась его хозяйка – великанша Грюла.

«Уж её-то ничем не отпугнуть, – запаниковал Хинрик, скрючившись под лавкой. – Не уйдет, пока всех не съест».

Рука великанши принялась шарить по комнате, ощупывая мебель и стены. Кот ластился к хозяйке, сыпля фиолетовыми искрами с чёрной шерсти. Наконец, она наткнулась на тётку Сиг, забившуюся в угол. Та вырывалась и била кулаками по кривым пальцам. Громадная рука сжалась, на пол закапала кровь, тётка обмякла, и её выволокли на улицу.

По лицу Хинрика потекли слёзы. Пусть вредная, пусть ведьма, а жилось ему у Сиг не так уж и плохо... И почему он был таким...

Но рука Грюлы, вновь появившаяся в дверном проёме, не дала погоревать. Метнулась в его сторону, перевернула первую лавку, вторую... На её пути высочил кот. Не хотел делиться своей игрушкой – тёрся о край рукава, покусывал пальцы, пытаясь оттащить подальше от мальчика.

Хинрик изумился, неужели кот пытается его спасти? Он выбрался из укрытия и потихоньку пополз подальше. Грюла, почесав кота за ухом, отпихнула его и вновь стала шарить поблизости. Тогда кот, не переставая мурлыкать, улёгся прямо на Хинрика. Мягкая тьма окутала мальчика, кот оказался тяжёлым. Стало трудно дышать, но вместе с этим пришло спокойствие. Великанша, никого больше не отыскав, вытащила руку. Вскоре с улицы донёсся хруст шагов, удалявшихся в сторону гор.

Кот поднялся и внимательно посмотрел в лицо мальчика. На секунду Хинрику показалось, что кот спас его только для того, чтобы съесть. Но тот медленными мягкими шагами направился к выходу. У порога кот обернулся, взъерошил шерсть и улыбнулся. Жуткий оскал острых зубов и дикая радость в глазах на мгновение застыли на его морде. Кот махнул хвостом, да так, что Хинрик отлетел к стене и крепко ударился о неё головой.

Мальчик пришел в себя, когда вернувшийся в дом Ульвар окатил его водой. Тётка Сиг бесследно исчезла. Утром её искали всей деревней, хотя и не надеялись обнаружить. Люди считали, что её воспитанникам очень повезло. Они не знали того, что случилось с Хинриком. Уходя, кот забрал и его жизнь тоже. Теперь она растает вместе со льдом, унесется к горам с летними ветрами, смоеется дождями осени, исчезнет до нового снега... Он не знал, как умрёт, но понимал, что уже скоро. Ведь тот, кому улыбнулся Йольский кот, до следующего зимнего солнцестояния не доживёт. Страшная ухмылка преследовала Хинрика в кошмарах целый год... Почти год...

Тим Яланский, Алексей Ладос

Идейные вдохновители и владельцы литературного портала «Синий сайт», бессменные и неутомимые редакторы проекта «Непростые истории», авторы многочисленных рассказов и новелл.

Тим Яланский автор-составитель сборника «Странники» (2018, «АСТ»). Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах. Пишет прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви. Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Thinnad.html>

Алексей Ладос пишет малую и большую разножанровую прозу, стихи, рецензии. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы», НГ) «О любви» (2016, АСТ, Москва), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ, Москва), в сборнике рассказов «Голос пули», посвященном 100-летию А.И.Солженицына (2018, Перископ-Волга, Волгоград), подборка поэзии в сборнике стихов современных поэтов «Высоцкий 80», посвященном 80-летию В. С. Высоцкого (2018, Перископ-Волга, Волгоград). «Зачем тебе крылья, Икар» – в тройке победителей поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). «Война цветов» – дипломант международного поэтического конкурса «Большой финал», 2017-18. «Море, крабы, осьминоги» – победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой маленький цветочек» (ж. «Параллели», № 5, 2018, Инсома-пресс). Люблю смешивать времена и поколения. Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

Счастливый билет

«Полиция ищет свидетелей и просит помочь в розыске Беляевой Элеоноры Викторовны, 30 лет, волосы тёмные, глаза серые, особых примет нет, была одета в синие джинсы, светлую блузку с короткими рукавами, на ногах – светлые босоножки. Последний раз её видели садящейся в ретробус № 27 на улице Раздольной в районе «Дельта». «Радоградская правда», № 12, июнь.

«Кто видел этого человека и что-то знает о его местопребывании... Ильев Владислав... 47... приметы... Помогите...». «Еженедельные новости», № 15, июль.

«Села в ретробус, но домой не приехала Брагина Ирина... 29, рост, приметы... одежда... Помогите. Женщина лечилась от депрессии. Родные волнуются...». «Прессинфо», 6, июнь.

«Полиция просит помочь... Карташов Иван Борисович, 28... ехал в районе «Дельты», менеджер, на работу не вышел...» «Суббота плюс», 8, июль.

«Родные ищут... Малушкин Илья... безработный, 32... трое детей... Поехал на собеседование... ретробусом...» «Прессинфо», 30, июнь.

«Ряднова Ольга, 22... лаборантка, семьи нет... бабушка плачет... Помогите... Возвращалась с работы автобусом № 27. Звонила, что уже едет...» «Вестник «Дельты», № 16, июль.

Следователь района «Дельта» Дмитрий Александрович Заморов свернул окно с лентой избранного и придвинул чашку с уже остывшим кофе. Он знал эти объявления наизусть, но каждое утро снова и снова просматривал и их, и сравнительный анализ данных по пропавшим людям, и свежие полицейские сводки. Пятнадцать пропаданий за два месяца лета – и никакой зацепки.

Маленький городок уже шумел бы, наполнился слухами о маньяке, но в Радограде – миллионном мегаполисе – текла обычная суетная летняя жизнь.

В объявлениях – приметы, эмоции и прочее, в сводках – сухая статистика, от которой толку – чуть.

Программа подсветила строки, колонки данных сдвинулись, показывая совпадения по каждому из случаев.

Следователь потёр лоб. Ну, вот: все горожане из «Дельты», все садились и куда-то ехали в этом проклятом колёсном автобусе № 27.

Память услужливо выдала: три сменных водителя; не были, не состояли, не привлекались; отличные послужные списки, хорошие семьи, результаты обысков – нулевые...

Да и сами пропавшие не оставили ни следа. Обычно «нюхачи» хоть что-то, да находили: волокна материала одежды, мобильники, цепочки или кольца в ломбарде, молекулы крови, чешуйки кожи и волос в пробах воздуха и пыли, неожиданные детали в сведениях родных, сплетнях знакомых, соседей, коллег по работе. Ни-че-го!

Водители боялись детектора, отводили глаза, мямлили, что, мол, видели пропавших людей, даже описать могут. Причина простая: старинные автобусы – «ретробусы», как их называли горожане, – поддерживали традиции, водители вручали билеты и приветствовали каж-

дого. А вот следить за тем, кто и когда вышел, никто их не обязывал. Они и не помнили. Детектор подтверждал слова, неизменно указывая на правду.

Пропавшие...

Дмитрий Александрович задумался, пытаясь ухватить общее. Общее было. Все они – какие-то неудачники. Вернее, все они чего-то ждали. Малушкин искал работу, долго искал. Ильев и Карташов – закоренелые холостяки, рассылающие в Интернете письма счастья одиноким женщинам. У Брагиной – мания, как сказал врач – синдром боязни людей. Она даже по телефону не могла общаться. Лаборантка Ряднова верила в принца на белом коне, сиречь продюсера, который однажды заметит её на улице и пригласит сниматься в кино. Все уши прожужжала своим подружкам об этом. Другие...

Дмитрий Александрович переехал в этот райончик, согласившись работать на не особо престижном участке, чтобы иметь возможность чувствовать мир живых. Здесь, в «Дельте», витал дух прошедших времён, проглотившая мир виртуальность исчезала, а сепия лета за окном была реальной.

Заморов скользнул глазами по колонкам данных, прокрутил их. Сотни, сотни деталей...

Взгляд зацепился за цифры. Рядом с колонкой времени посадки в автобус находилась сводка номеров билетов, не помеченная маркером совпадений. Лишняя подробность. Но что-то в ней заставило замереть, оторвать палец от экрана и внимательно взглядеться:

367 169

367 187

367 259

367 394...

Вот оно!

Компьютер ничего не знал о старинной вере в «счастливые» билеты, и факт, что суммы цифр в столбиках были равны, оказался незамеченным.

Интересно. Хотя... Толку-то? От знания, что все пропавшие пассажиры купили в злополучном автобусе счастливый билет, ситуация яснее не стала. Ещё один, не укладывающийся ни в одну из теорий, факт. Поисковые «нюхачи», так казалось Дмитрию Александровичу, просто издевались.

Где же люди выходили? Где?

Следователь потянулся до хруста костей, услышал звук с улицы и раздвинул тёмные жалюзи. В кабинет хлынул поток июльского солнца.

Заморов оглядел улочку, на которой стояло старое одноэтажное здание полицейского участка «Дельты», прищурился на ретроостановку – к ней как раз и подходил автобус № 27 – изученный уже от царапины на рекламной надписи «Ваше время – ваша жизнь. Мы решим все проблемы» и до времени стоянки – пятнадцать минут.

Следователь снова вздохнул: пятнадцать минут, пятнадцать пропавших... Нет, автобус тут ни при чём. Он и сам ездил в нём утром и вечером уже несколько лет.

Впрочем, Диму, а именно так его все и звали (до Александровича ему было лет эдак десять), сейчас интересовал не автобус, а цветочный киоск рядом с остановкой. Не то чтобы он любил всякую флору, он любил их продавщицу – Леночку. Елену Прекрасную.

Елена восседала среди цветов королевой: солнечные лучи плясали на пионах, розах, ромашках и горели в её рыжих волосах. Голубые глаза искрились и метали улыбки, а уголки спелых губ никогда не опускались. Уже с год Дима и Лена обменивались взглядами. Он бросал свой – мягкий и нерешительный – через пыльное окно кабинета. Она – дразнящий и таинственный – сквозь букетик чахлах маргариток.

Дима знал о ней всё: где живёт, чем занимается в свободное время, он даже знал, что нравится девушке, и был уверен, что и ей известно о нём достаточно, потому что иногда решительно шел к киоску, покупал розу и... немел, когда Елена протягивала цветок с неизменной улыбкой и словами: «Держите, Дмитрий Александрович». Она знала, как его зовут, она наверняка знала, где он живёт, и уж точно знала, кем работает.

Он возвращался в участок, ставил розу в вазу, вазу – на окно, и обещал себе, что в следующий раз обязательно пригласит девушку на свидание. Однако стоило Диме представить своё убогое холостяцкое логово с банкой кильки в холодильнике, с продавленным диваном, застеленным стареньким бельём, с ноющими днём и ночью канализационными трубами, потеками ржавчины на ванне, вконец обленившимися провайдерами на том конце сети, как «следующий раз» откладывался до следующего раза. Привести туда – королеву?!

Жара изматывала, и Дима рванул створки окна. Горячий ветерок тотчас всколыхнул угол жалюзи и пару увядших лепестков на подоконнике, ярко запылало платье Леночки, цвет которого ранее был притушен пыльными стеклами.

В ярко-красном, как атлас стяга, облегающем платье, низ которого едва прикрывал бёдра, в таких же красных туфельках королева закрыла киоск и, мотая рыжеволосой головой в такт музыке наушников, направилась к окутанному маревом жары автобусу.

Так рано?! Такого никогда не было!

Ревность слепозмейкой ударила по вискам, отравив разом и вязкий солнечный свет, и мысли следователя. Она же... на свидание... точно!

Дима вскочил, ударил кулаком по столу, опрокинув чашку с кофе на развёрнутый планшет, выскочил за двери, не зная ещё, что будет делать – догонять, говорить ей о любви, следить, что там за хахаль нарисовался, отбивать?

– Сегодня, – говорил он сам себе на бегу, – сегодня я приглашу Елену Прекрасную... куда-нибудь позову и...

Горячая стена наполненного жёлтым солнцем воздуха ударила, отрезвила Диму, змейка-ревность нырнула под сердце и затаилась там до времени. А если у девушки просто выходной? Если какие-то другие дела – не свидание?

Безотчётно он рванул к автобусу, влетел, бросив взгляд на Леночку, занявшую сиденье впереди, смотрящую в окно и не заметившую его смятенной погони, прошагал к задним – свободным – и плюхнулся там, затаился, успокаивая сердечный трепет и дрожь рук.

«Не заметила? И хорошо», – думал Заморов, разглядывая красную пуговку наушника в аккуратном ушке.

По проходу шествовал знакомый водитель – грузный, с пивным пузом, с влажностью седого ёжика, с пятнами пота на белой фирменной рубашке. Лоб прорезала морщинка усталости, глаза цвета незрелой сливы ничего не выражали, но улыбка под блёклыми моржовыми усами была не дежурной, а вполне приветливой.

– Поздравляю, вам достался счастливый билет, – сказал водитель, склонившись к Леночке, – загадывайте желание.

Второй пассажир, третий... Шофёр не спешил, улыбался всем, перекидывался словечками, весело принимал деньги и отрывал билеты с ленты, почти торжественно вручал их, словно дармовые леденцы.

Пятый... Восьмой...

– Здравствуйте... – Взгляд водителя на мгновение омрачился, но тут же сменился на загадочный, словно он признавал их приобщённость к тайне пропавших людей, разгадать которую «морж» не мог помочь никак. – Сдача, – усач протянул мелочь и билет, тут же отошёл, не пускаясь в разговоры и расспросы – к чему тревожить занятого человека?

Двери глухо щёлкнули, перекрыли путь жёлтой патоке дневного света, и Дима ухватился за стоящее впереди кресло – автобус тронулся.

Люди в салоне синхронно покачивались, когда ретробус фыркал и дёргался – старинная колёсная машина не могла ехать так же плавно и тихо, как современный транспорт на воздушной подушке. Салон то пустел, то наполнялся. Они давно уже проехали и Леночкину остановку, и Димину. Заморов стал подозревать, что девушка всё же заметила его и ждёт, когда он будет выходить.

Дома закончились и, преодолев пологую насыпь, автобус покати́л среди частных домиков пригорода.

Диму тоже стала одолевать дремота, сонный взгляд остановился на клочке бумажки, зажатой в пальцах: 367 538. Счастливый...

Счастливый! И у неё... у Леночки, стало быть, 367 529.

Капелька пота скатилась по виску, зашекотала шею.

Всё изменилось в один миг. Увиделось вдруг, что медовый свет дня – вот он, с другой стороны мутноватого стекла, а здесь – сырая уверенная тьма. Предчувствие, что что-то должно случиться, наваливалось тёмными волнами.

Похожие на сонных мух пассажиры, видимо, спали с открытыми глазами. Они мерно качались каждый на своём сидении в такт ухабам окольной дороги, и, казалось, что убаюканной цепочкой едут к неотвратимой, словно паучьи лапы, смерти.

Ерунда, ну что особенного? Полутёмный салон, дремлющие люди, гул мотора... Но тонким, похожим на комариный писк, сигналом инстинкт вы́л о невидимой и жуткой беде так, что ладони Заморова вспотели, а сердце затрепыхалось, как будто силилось вырваться из тесного плена рёбер. Сглотнув ставший в горле ком, Дима понял, что больше всего на свете ему тоже хочется биться в двери-рёбра и кричать, чтобы выпустили.

Туманная дымка окутала салон, в ней зыбко и страшно покачивались силуэты, за стёклами, а может, в сознании Димы сгущалась темнота.

В какой-то момент ему показалось, что окружающее плывёт, теряет реальность, стены салона сдвинулись, а сам он, напротив, стал как будто болезненно чётким. Руки потяжелели, Дима видел каждую папиллярную линию на сжимающих билет пальцах.

Леночка!

С трудом Заморов приподнялся, сделал несколько тягучих, словно в маслянистой воде, шагов. Он перевёл дух и тронул Леночку за плечо, привлекая внимание. Дима сомневался, что Елена Прекрасная его видела, когда он заскочил следом в отъезжающий автобус, но сейчас она поглядела, будто узнавая после долгой разлуки. Немного растерянно обернувшись, девушка встrepенулась.

Время остановилось. Он что-то кричал... Но крик лился густой волной «йэ-э-э-э», и Дима тянулся к хватающим воздух тонким пальцам, силясь достичь... И понимая, что не успевает. Чёрная пелена окутала мозг.

Боле́ла голова, во рту чувствовался металлический привкус, когда Дима открыл глаза.

Ржаво-охристая поверхность чавкнула, отпуская из объятий, жирноватая холодная грязь продавилась между пальцами. Дима сел, пытаясь унять головокружение и дрожь. Что случилось? Сколько времени прошло? Где он?

В белёсом, истекающем желтоватыми струйками тумане проступали тонкие болезненные силуэты искореженных конструкций непонятного происхождения, уходила в марево глинистая грязь. И абсолютная мертвящая тишина. Что-то жуткое было в этой тишине: казалось, что недалеко, скрытое непроницаемой завесой, таится нечто огромное и наблюдает за ним. Дима

обхватил плечи и обернулся. Всё то же: грязь, торчащие из мглы куски проволоки, похожие на антенны штыри и вкрадчиво переливающийся желтовато-белёсый туман.

Дима поднялся и, прихрамывая, двинулся вперёд. Вернее, наугад, потому что ориентироваться в этом мешке туманной взвеси было невозможно. Болело и плохо сгибалось колено – то ли ушиб, то ли сказалось лежание в холодной грязи. Штанины неприятно липли к коже.

Сделав несколько шагов, он провалился ногой в яму, дернулся, освобождаясь от противной липкости, побежал, снова споткнулся, чуть не упал, но схватился за что-то твердое и склизкое. Дима пригляделся, и его чуть не стошнило: изогнутый в смертельной конвульсии позвоночник, у трупа не было кожи, а виднеющиеся между костями багровые остатки плоти были покрыты жёлтой слизью.

Дима отдернул руку, замер, не в силах отвести взгляда от страшной находки. Пальцы судорожно сжали ткань брюк, стараясь избавиться от противной липкости.

«...Держите, Дмитрий Александрович...» – едва слышный женский голос в мертвенной тишине показался жутким.

Сердце остановилось, живот скрутило леденящим ужасом догадки.

Он все же перевернул труп: мелькнули оскаленные матово-сухие зубы, в тёмной дыре треснувшего черепа замерцала вдавленная вишенка наушника, а ниже... ниже... на беловатых дугах рёбер полыхнул испачканный глиной обрывок ярко-красной ткани.

«Держите, в палитре дней – клич: такая, как я – не для вас», – шуршала тихо песенка, льющаяся из всё ещё работающего наушника.

Дима машинально попытался вытереть ладонь о землю, чертыхнулся, между лопатками потёк холодный пот. В голове безумным калейдоскопом вспыхивали и гасли видения из прошлого и настоящего.

– Боже мой, – задыхаясь и всхлипывая, пробормотал он, – боже мой, Леночка...

Глухую тишину прорезал скрип. Нервный, кривой, он бил по ушам.

Дима вытянулся в струнку, пытаясь хоть что-то увидеть в желтой мгле. Кинув последний взгляд на страшную находку, двинулся в сторону звука.

Может быть, это то самое чудовище, глядящее на него сквозь туман, как голодный паук на тупую муху, утомилось ждать и выказывает скрежетом нетерпение? Дима замер. Тихий, похожий на далекий вой стон вторил очередному скрипу.

Может быть, это «что-то» убило Леночку?

Шаг... Ещё шаг. Закрученная огромным штопором торчащая из грязи ржавая арматура чувствительно проехала по бедру. Чёртов туман. Боль на мгновение отвлекла. Дима двинулся дальше.

Выросшая из тумана громада при ближайшем рассмотрении оказалась древним корпусом автобуса. Облупившаяся краска обнажила бугрящиеся шрамы ржавчины, полуоторванная дверца раскачивалась на петле, издавая то самое гнусное «скри-и-и-и-и-ип...» и показывая пустой салон с истлевшими клочьями обивки. Железная, с изъеденными временем краями табличка там, где было лобовое стекло, № 27.

Дима замер.

Его мозг пытался переварить увиденное: если этот полного грязного тумана мир казался кошмарным сном, но мог быть объяснён невероятными, но версиями, то очевидно много лет как гниющий тут – тот самый автобус. Бессмысленно.

Свет фар ударил сзади почти физически. Дима обернулся, щурясь.

Его глаза уже привыкли к мрачной желтовато-белёсой полутьме, и потому проткнувшие туман столбы света дезориентировали. Скрип колёс, урчание приближающегося мотора. Сам не зная почему, Дима рванул в сторону.

Он летел, мчался, не разбирая дороги, вяз в воздушном киселе, втягивая его грудью, понимая, что задыхается, а приближающаяся чудовищная машина преследовала, и Заморов пойманным зайцем плясал в перекрестье конусов бело-жёлтого света.

Визг тормозов, протяжный вой гудка. Дима вдруг понял, что бежит по влажной бетонной поверхности и белая разметка стелется под ноги. Ключья тумана разорвались грязными нитями, являя июльский свет знакомой улицы, цветочный киоск, остановку. Дима из последних сил рванулся к обочине.

Едва не задев, мимо прогрохотала громада мусоровоза...

Прижавшись к стене, Дима прикрыл глаза. Стена была неожиданно холодной и твёрдой. Глухо, с оттягом, болела нога. Там, наверное, нехилый синяк. Всё тело тянуло книзу, руки противно дрожали, в голове кружилось, пульс толчками отдавался в ушах, но запах родного города – такой привычный и родной – возвращал Диму к реальности и пониманию, что он почти у дверей полицейского участка района «Дельта» словил красочные глюки солнечного удара. И нужно лишь добраться домой, чтобы всё было хорошо...

Дима открыл глаза и улыбнулся: в проёме залитого золотым светом цветочного киоска мелькнуло красное платье.

– Леночка! – крикнул он, но получилось скрипуче и невнятно.

На голос выглянула продавщица – сонная тётка лет пятидесяти в линялом красном сарафане. Отблески июля сверкнули на её коротких, крашенных в тёмно-рыжий цвет волосах; в проборе отчётливо виднелась седина.

– Леночка? – повторил он, чувствуя, как безнадёжность проникает в сердце.

– Я – Леночка, для вас – Елена Петровна, – тётка ощупала взглядом фигуру Заморова. И взгляд этот был неласковым.

– Нет, мне нужна другая... Леночка, – горло сжималось, говорить было трудно.

– А здесь нет никаких других Лен, – тётка пожала полными плечами. На мгновение её взгляд стал задумчивым. – Работала здесь когда-то Лена – но лет тридцать тому назад.

Заморову показалось, что в голосе незнакомой ему Елены Петровны прорезалась тягучая грусть.

– Да погибла та Лена. Говорят, всё ждала своего любимого. Все вы, мужики, такие. Не дождалась девка, да и бросилась под автобус...

– ...номер двадцать семь, – машинально добавил он.

– Не знаю. Эй, дед, тебе плохо? – спросила тётка с тревогой.

Дима недоумённо вскинул глаза, взгляделся в зеркальное стекло витрины киоска. Какое-то время стоял, впитывая увиденное. Сделал шаг назад. Старик в отражении повторил его жест. Не может быть.

Не осознавая, что делает, Дима сделал ещё шаг. Как будто можно убежать от продолжающегося кошмара. Старик.

Теперь следователь Дмитрий Александрович Заморов знал, где и как искать пропавших людей, следующих автобусом с рекламной надписью на боку: «Ваше время – ваша жизнь. Мы решим все проблемы».

Ещё шаг...

Он покачнулся, споткнулся о бордюр и почувствовал, что падает назад. Дикий вой и вспышка света несущегося автобуса ослепили на миг, и последнее, что он увидел, – искажённое ужасом лицо усатого водителя и новенький чистый номерной знак на лобовом стекле: № 27.

Маленький клочок бумаги вращался в потоке воздуха, поднятого колёсами. Автобусный билет с ничего не значащими цифрами 367 538.

Ксения Скворцова

Я пишу с детства, мечтательница по призванию. Люблю мистику, но, к сожалению, большинство мистики сейчас – либо страшилки, либо триллеры. Поэтому я в своих рассказах стараюсь сделать этот жанр более «добрым» – соединяю мистику со сказкой.

Я подарю тебе имя

Я помню, что у неё – тёмные волосы и зелёные глаза. Помню, что у неё тёплое дыхание и руки, и сердце бьётся. Помню, что она любит шутить и остра на язык. Но она добрая.

Всё, что у меня есть – это память о ней.

Всё, что у меня есть – это вера в неё. И вера эта слаба, её уголёк тлеет.

Людей ведь не существует. Сказки это.

***

Я не вижу отражения, когда смотрю в зеркало. Во мне не бьётся сердце, у меня нет дыхания, во мне нет тепла. Я – привидение, одиноко живущее в одной из квартир панельной многоэтажки. В городе, где живут такие же одинокие привидения, как я.

«Живущее», «живут»... Жизнью это не назовёшь. Мне кажется, мы ненавидим друг друга. Никто не обмолвится словом без повода, просто потому что хочется общения, компании. Выйти из дома просто чтобы погулять – позор.

Мы зажигаем звёзды, поднимаясь на крыши зданий и простирая к чёрным небесам руки. Мы шепчем молитвы, мы дарим небу свою энергию, мы дарим ему свои имена – и звёзды зажигаются, блекло освещают путь. Мы работаем сменами, а в свободное время – по расписанию – страдания, самокопание и самобичевание. Если бы не было звёзд, мы стали бы ещё несчастнее.

Наш город сер, уныл, здесь не цветут цветы, не покрываются листвой деревья... даже лёгкий ветерок – и тот не заглянет. Всюду – вывески магазинов, кафе, есть торговые центры. Больница, полиция... Но ничего не работает. Непонятно, зачем это существует, откуда вообще взялось. Неужели были другие времена? Да важно ли это?... Сейчас всё во тьме. Невзрачный город не утонул в ней полностью только благодаря блеклому свету звёзд.

И всё-таки, мне повезло кое в чём больше, чем другим. У меня есть друг. У нас не верят в дружбу, говорят, что взаимоотношения строятся на личной выгоде, но мы с Сириусом верим. Мы – соседи, и мы были знакомы всегда. Другие призраки цокают и закатывают глаза, когда видят, как мы бегаем друг к другу с этажа на этаж со стопками книг и восторженными глазами. Они говорят, что нам стоит больше времени проводить в реальном мире, не тратить время на чтение того, что «пишут всякие сумасшедшие призраки». Я, между словом, ни одного такого, кроме нас с другом, не видел. Если бы можно было встать в центре городской площади и вскричать, несмотря на злобные взгляды прохожих: «Эй, вы, те, кто написал мои любимые книжки, давайте подружиться!» Но я никогда на это не решусь. Сириус смеётся надо мной, говорит, что я – «тихий бунтарь», зовёт исполнить мечту. А я отговариваю. Нас и так ненавидят, что же будет потом? Они могут разгневаться и сжечь наши книги, как сожгли свои. Мы собрали свою «библиотеку» с большим трудом, и призраки пока её терпят, поэтому важно вести себя тихо. Не хочу терять то, что у меня есть.

Призраков злит, что книги рассказывают о людях – существах похожих и непохожих на нас. Существах, которые знают, что такое добро, любовь и солнце, в жизни которых есть цель, и цель эта – счастье.

Мне больше всего нравится легенда, что мы, призраки, когда-то все были людьми.

У нас было отражение, в нас билось сердце и растекалось тепло.

У нас была настоящая жизнь. Мы умели радоваться и плакать, чувствовать наслаждение и боль. Мы любили: себя, жизнь, близких и друзей. Мы ценили каждое мгновение и не накручивали себя по пустякам. Мы не надеялись на существование чего-то «по ту сторону» и исполняли свои мечты здесь и сейчас.

Это призраков бесит, и они делают всё, чтобы не допустить и мысли о возможном «людском» прошлом.

***

У Сириуса были длинные чёрные волосы, которые он собирал в хвост, и серые глаза. Он носил чёрный пиджак и джинсы, а я – коричневую кожанку и вельветовые брюки. Сириус говорил, что мои глаза – цвета мёда, что волосы светлее, чем у него, короткие, взъерошенные.

Сириус был круче меня.

– Больше всего мне нравится идея, – вздыхал Сириус, плюхаясь на кровать и впиваясь тоскливым взглядом в ветхий потолок комнатки, – что мы ели столько всего, что называли вкусным. Знаешь, когда я думаю о слове «пицца», у меня появляется странное чувство в горле. А ещё «чипсы», «кола»... «оливки»...

Я прокашлялся: у меня от последнего слова скрутило нутро.

– Свидания... – ещё грустнее вздохнул Сириус и закрыл лицо раскрытой книгой: – Здешним девчонкам ничего не надо. Хоть бы врезали мне за то, что я их достаю с вопросами: «Как настроение?». Только бубнят что-то и идут себе дальше по домам – сидеть в одиночестве, пялиться в окно и мечтать о будущем, которого никогда не произойдёт.

– Да если б только со свиданиями не ладилось, – я свалился лицом в подушку: – Мы с тобой изгой общества, Сириус. Все всех ненавидят, но нас – больше, чем этих «всех».

– Это потому, что мы не такие как эти «все».

– ...словно мы представляем для них реальную опасность. Они относятся к нам, как лейкоциты – к вирусам.

– О, тоже читал учебник по биологии? Интересно, правда?

Я кинул в него подушкой и расхохотался, когда мой бросок сбил его с кровати – хотя, скорее всего, он просто поддался, чтобы было смешнее. Мы провели славную подушечную битву, пух разлетелся по всей комнате, а мы с Сириусом стали похожи на утят из книжки про сельское хозяйство. Мы только успели отряхнуться, как сверху послышались капризные свистки: наступала новая смена на крыше.

Мне пора.

– Стой-стой, – Сириус наклонился ко мне и прошептал: – Ты больше не видел мираж девушки? Предметы сами по себе больше не двигались?

– У порога появилось ведро с водой и тряпкой, а потом упало.

– Оно до сих пор там?

– Нет, я даже не успел до него дотронуться, как всё исчезло. Мне ещё послышался испуганный женский крик.

– Эх, и почему только на видеозаписях ничего не видно?... Тогда все призраки поверили бы в людей, поверили в меня и сделали главным.

Сириус сделал мечтательную моську, и я не мог не расхохотаться. Свистки стали чаще и требовательнее. Я с неохотой попрощался: опять приходилось покидать маленький волшебный мирок и встречаться с неутешительной реальностью.

Когда я поднимался по узкой лестнице, один из призраков толкнул меня к перилам, и я чуть не упал. Он проворчал:

– Придурок! Чего так долго? Тебя заждались уже. И вообще. Тебе здесь не место, убирайся. Из-за таких, как ты, нет никакого покоя. Без тебя здесь было бы лучше. А то так и думаешь, что вы со своим дружком выкинете.

Я был с ним абсолютно не согласен, но удержался крикнуть ему вдогонку: «Сам придурок».

В книжках я читал, что свежий воздух, наполняя лёгкие, очищает душу. У меня не имелось лёгких, только душа, и она задыхалась. Выйдя на крышу, я представил, как ветер треплет волосы, как грудь наполняется холодным воздухом, а изо рта выходит облачко пара. Но на самом деле я не чувствовал ветер, холод, а тот призрак, которого мне нужно было сменить, в

очередной раз обозвал меня нехорошим словом и велел не стоять, как истукан. Да это неважно. Главное, что мои книжки лежат тихонько дома, и никто их не забирает.

Когда призрак ушёл, я сел на колени, протянул руки к чёрному страшному небу, выбрал любимую звезду, и обратился к этой блеклой белой точке – тихо, чтобы не услышали ещё тридцать два призрака, выполняющие работу:

– Привет. Меня зовут Антарес. Это имя и твоё тоже, пока мы вместе.

Звезда засияла ярче, и я улыбнулся ей:

– Как тебе там совсем одной? Надеюсь, не скучаешь, живёшь не в циничном окружении, а если и так, пусть у тебя будет друг, который понимает тебя, пусть он будет не такой, как другие. Пусть другие – лёд, а вы со своим другом – искры.

Знаешь, мы вот знакомы с тобой почти вечность, а я о тебе ничего не знаю, хотя ты обо мне – всё. Я не могу от тебя ничего утаить, непростое, я тебе скажу это, хе-хе, дельце, – звезда согласно моргнула. – Мы с Сириусом чувствуем себя чужими. Если бы нас не было друг у друга, то мы сошли бы с ума от одиночества. Или стали как остальные, и это – гораздо хуже.

Звезда с моим именем, я устал от существования, которое не приносит радости.

Сириус рассказал, что люди загадывают на падающие звёзды желания. И хоть я не человек, а ты – не падающая звезда (и не надо падать, мерцай себе тысячу вечностей!), я поддерживаю их... традицию.

Пожалуйста, приди к нам с Сириусом хоть на недолго. Или дай знак, что ты слышишь меня. Не знаю, почему, мне кажется, что ты – не просто светящаяся штучка в небе. И что ты тоже хочешь к нам.

Обещаю, что больше ничего у тебя не попрошу.

Я не заметил, как настал черёд другого призрака принять пост – он услышал меня и не преминул пихнуть в плечо, развести руками и покрутить пальцем у виска. Он сказал, что я должен молить звезду о стабильности и меньшем числе неожиданностей, и посетовал, что споткнулся около нашей квартиры, когда поднимался сюда. Он решил, что в том, что он споткнулся, виновата наша с Сириусом вера в «небылицы». Вера в людей.

Я мог ответить. Мог поставить этого призрака на место. Но молча вернулся домой, чувствуя себя отвратительно, словно душу проткнуло осколками стекла.

Я лёг на кровать, пружинки ворчливо заскрипели. За окном блуждал мрак, а я смотрел на мигающую гирлянду и думал, как хорошо, что она у меня есть. А потом вспомнил, что ещё у меня есть чудесный друг Сириус, и мысли о несправедливости мира ушли.

– Интересно, а что сейчас делает моя звезда? – пробормотал я в пустоту. – Может, она так же, как и я, взвешивает, как зернышки на ладонях, отчаяние и надежду и думает, есть ли кто-то, похожий на неё?

И оно случилось – то, что я люблю, ценю и могу пересчитать воспоминания о подобном на одном пальце одной руки.

Чудо.

Неизвестно откуда вылетел и врезался мне в лицо бумажный самолётик. Когда я поднёс поделку к лампе, оказалось, что это письмо, письмо-самолётик. Я не мог заграбастать послание одному себе, ведь Сириус очень расстроился бы, узнав, что я прочитал странное письмо без него. И я помчался к нему, а когда он открыл, отпихнул его с порога, крича от радости, и в коридоре же раскрыл бумажный самолётик:

«Не знаю, кто ты – или что ты, но ты мне опять приснился. Мы разговаривали. Я хорошо помню, что ты рассказывал, как тебе плохо и одиноко, и у тебя есть только один, но самый лучший друг, и что ты попросил меня прийти к вам. Не знаю, почему я пишу это... просто на что-то надеюсь. А вдруг ты – и правда, есть? Было бы здорово. Мне нравится тебя слушать, а ещё столько всего хочется рассказать самой. Очень жаль, что в твоём мире

тебя не понимают. У нас тоже разные люди бывают, но всегда найдётся человек, который поймёт и поддержит. У меня это мама, папа, сестра и тётя. С одним дедушкой мы не ладим, другого я не видела никогда, да и с бабушками (обеими, да-да) тоже не могу найти общий язык. Так что я тебя понимаю. И завидую, что у тебя есть друг, потому что у меня – только семья. И работа медсестры. Я по своим причинам не могу верить людям, хоть и верю в сказки. Такой уж я человек.

Мне бы очень хотелось повстречаться с тобой наяву и рассказать большие. Хоть это и очень, очень маловероятно, но... никто точно не знает, что бывает на свете. У меня в квартире шаги чьи-то слышны, голос, домовый, наверное, завёлся, хех.

На самом деле, не понимаю, почему ты мне говоришь, что даришь своё имя, Антарес, но это очень мило и красиво. И всё же, если что – меня зовут Эль. Но ты можешь и дальше называть меня своим именем».

Я очнулся, когда Сириус уже вовсю хохотал и даже стучал кулаком по столу:

– Видел бы ты себя, Рес, как будто нашёл способ, как достать городу солнце... Ладно, ладно, всё.

Как я и хотел, он немного испугался оттого, что я шикнул на него и покрутил пальцем у виска:

– А письмо тебя нисколько не удивляет?

Сириус виновато помотал головой, сел рядом и взял мятую бумажку – мои ладони долго не разжимали её, и Сириус опять прыснул. Но быстро стал серьёзным, ткнув пальцем в некрасивый острый почерк:

– Смотри, автор письма – человек! То есть, девушка. Видишь, она сама так написала. Вот здорово! Теперь мы всем докажем, что не дураки: люди существуют!

Мне не хотелось никому ничего доказывать. Если бы другие призраки хотели верить в существование людей, то верили бы. Сейчас же любое доказательство поднимут на смех. Мы вообще признаём только то, что нам по той или иной причине выгодно. А призракам нужен лишь покой.

Сириус со мной не согласился:

– Я сниму копии с письма и расклею по всему городу! – он восторженно взмахивал руками, а его глаза горели, как будто он был... живым. Блестели, как звёзды, которым мы дарили свои имена. Мне хотелось вырвать письмо, но руки не слушались: Сириуса наполнила надежда, и жалко было её отнимать.

– Призраки не такие уж безнадёжные, – говорил он, пока принтер копировал послание, адресованное мне и только мне: – Они поверят, ты увидишь. Они сделают меня мэром, и я смогу изменить город, как мы хотели!

Со смешанными чувствами я вернулся домой.

Я жалел, что поделился секретом с наивным Сириусом, но радовался тому, что сбылась его мечта: увидеть доказательство существования людей.

– Если бы я мог рассказать тебе всё, Эль... Мне так жаль, что я тебя подставил. Боюсь, твоё письмо поднимут на смех. И в этом виноват я.

Я сидел на подоконнике, прислонившись лбом к стеклу и всматриваясь в мёртвый мрак улиц, как кое-что произошло.

– Мне неприятно, – послышался растерянный женский голос за спиной. – Но пока я не буду на тебя сильно злиться. Хорошо, что ты мне, всё-таки, снишься.

Я обернулся.

Девушка. Длинные чёрные волосы, кожа смуглая... (не белая, жёлто-зелёная или синяя, как у нас!), щёки розовые, грудь вздымалась... В ней что-то билось, я слышал частый стук... Я прижал руку к своей груди – там было тихо, холодно и пусто.

У девушки были зелёные глаза, а я даже не помнил, какие – у меня. Она была уверена, что спит, – я знал, что это не так, потому что я не мог спать. Она была живой, а я – мёртвым.

А ещё – она была правдой. Правдой в пушистой серой пижаме и синих тапочках.

– Серьёзно, Антарес, давно уже пора было, – сказала она, рассматривая мою книжную полку: – Нил Гейман, Стивен Кинг и... Достоевский, Пастернак? Вот это сочетание.

– Я... да...

Я мог только мямлить: происходило кое-что, выходящее за рамки моего мира, а я, как ни пытался, не сумел показать себя любознательным, весёлым и открытым к приключениям, как герои любимых историй.

– Тут всё так же, как у меня, очень похоже на мою квартиру, – произнесла девушка и подошла к окну: – Только у тебя дальше – пустота... У меня во дворе садик с яблонями, сиренью и облепихой. Весной очень вкусный запах. Летом – аромат скошенной травы. А осенью прелыми листьями пахнет.

– А я не знаю, что значит «запах».

Это была Эль – та самая звезда, у которой я вымаливал счастье. Почему-то я сразу понял, что она серьёзная и, вместе с тем, неуёмная. Моя Эль...

Я вспомнил, что люди любят кофе, и побрёл на кухню, робко позвав Эль. Она побежала, крутанулась вокруг себя три раза, чуть не сбив меня с ног, и по-хозяйски уселась, положив ноги на стол.

– Точно, это мой домик, – она рассматривала всё вдоль и поперёк. – Не думала, что живу с привидением. Мне казалось, привидений не существует.

– Это людей не существует, – сипло выдал я, пытаясь сообразить, сколько ложек кофе нужно Эль – и положил десять на всякий случай. – Скорее всего, я тебя просто выдумал из-за скуки.

Я напряжённо чиркал спичку о коробок. Ничего не получалось.

– О, вот как? – Эль рассмеялась, подошла ко мне, обхватила мои руки своими, и-таки огонь зажёгся. – Мы с тобой похожи. Думаю, я тебя тоже выдумала.

Я наполнил чайник водой из-под крана, поставил на плиту (надеясь, что всё сделал верно) и стал вертеться возле полок на противоположной стороне кухни, лишь бы не встретиться с её пристальным взглядом.

– Не думала, что привидения пьют кофе, – усмехнулась за спиной Эль.

Мне казалось, я упустил что-то важное, что навсегда терял, когда встречался с этим взглядом, и это чувство мне не нравилось.

– Не пьют и не едят. Нет смысла. Я пробовал, у этих штук нет никакого вкуса.

– А зачем вы храните продукты? – искреннее изумление. – И вообще, заколотили бы тогда кухню и всё.

– Потому что мы ни чёрта ни на что не можем повлиять! Стоит хоть кружку переставить – она обязательно через какое-то время вернётся на место! И только книги, только они вне правил. Призраки говорят, все эти ерундовины: кровать, ванна, продукты – нужны «исключительно для эстетического удовольствия». Какая эстетика, им наплевать на красоту! На всё наплевать, кроме стабильности.

– Я думала, ты веселее, – грустно сказала за спиной Эль, но я не обернулся. Чайник кричал, но я стоял, уткнувшись в дверцу тумбочки, а плиту, судя по шагам и резкой тишине, она выключила сама. Зазвенели кружки, ложки, Эль что-то ставила на стол, подвинула стул.

– Хочешь, я расскажу тебе про солнце? Ты говорил, тебе его не хватает и больше всего на свете ты хотел бы увидеть настоящее солнце, – она шумно размешивала сахар в чае (эх, ей не понравился мой напиток): – Оно огромное, оранжевое и жаркое. На него нельзя нормально смотреть без тёмных очков, потому что глаза слезятся, а ещё чихать хочется. Прямо как на тебя. Стой-стой-стой, не обижайся, я же пошутила! Знаешь, дома частенько не понимают моих

шутки, хотя я вроде ничего такого не говорю. Нас много, но я одна. Даже не знаю, что хуже – настоящее одиночество или такое: одиночество среди людей. Ты меня понимаешь?

Она шумно отхлебнула чай. Я повернулся, и увидел, что у неё красные глаза, влажные щёки и скорбь на губах. Она приготовила чай и для меня, отыскивала конфеты, печенье. Мне стало обидно за Эль, и я присел напротив, хотя и не притронулся к угощениям.

– Ты – моя мечта, – ответил я, и Эль, смутившись, поперхнулась: – И я тебя понимаю. Никто, кроме меня и моего друга, не верил, что бывают люди. И тут ты. Сириус думает, что если докажет, что ты – настоящая, то нас будут любить, уважать, и вообще солнце появится. Я волнуюсь, что тебе не дадут покоя, что ещё чуть-чуть – и ворвутся сюда, в квартиру, заберут тебя, чтобы проверить на «подлинность». А как они будут тебя проверять? Я боюсь за тебя и хочу, чтобы ты вернулась невредимой. Жаль, что Сириус надеется на других призраков.

Эль вздохнула, ссутулилась и отвернулась. Я сказал что-то не так. Она разочарована. Наверное, думала, что я окажусь другим – открытым и дружелюбным. Но я не умею быть таким.

– Антарес, ты удивительный. Грущу я не потому, что ты мне не понравился – наоборот, слишком понравился. Я грущу потому, что мы не можем вот так разговаривать на самом деле. Если бы мы были знакомы наяву, я бы в тебя влюбилась. Но я не могу влюбиться в человека из сна. И мне кажется, что я тебя давно знаю. Опасно это, как бы для меня, фантазёрки, всё плохо не закончилось. Прости, но мне хочется проснуться. Лучше бы мне снились кошмары, чем ты.

Она поднялась из-за стола, а я переваривал услышанное – тугодум... Эль отвернулась к окну, и появился Сириус.

Он вихрем ворвался в комнату и опрокинул на себя чайник с кипятком. Эль вскрикнула и подбежала к нему, собралась помочь встать, но он увернулся от её протянутых рук. Она посмотрела на меня с растерянностью, когда Сириус, как ни в чём ни бывало, встал и пошёл, она села на корточки, а потом – на пол. Эль определённо не понимала, что происходит.

– Это человек? Это человек, Антарес, самый настоящий? Антарес, это же революция!

Странно, но Сириус, хоть и приятно удивился гостю, не обратил на неё особого внимания. Он ни разу не заговорил с ней, только пожирал взглядом, а потом переспрашивал у меня, как она тут очутилась. Сириус меня пугал, и как только я рассказал всё, затряс меня за плечи:

– Сегодня, когда будет моя смена, мы выведем этого человека, эту девушку, на крышу. Пусть все её увидят!

– Э-э-э... А почему не вывести её сейчас, раз на то пошло?

– Так никакой эффектности же. Нужно, чтобы такой момент помнили. Чтобы то, что призрак Сириус, будущий мэр, нашёл человека, вошло в историю.

Сириус больше всего хотел, чтобы окружающие воспринимали его всерьёз. Я его понимаю: вечному чудаку не светит ничего, кроме одиночества. Да, мы друзья, но друг на друге мир не заканчивается. В конце концов, нужно же показываться на призраках хоть иногда – и желательно, чтобы в это время тебя не обзывали и не тыкали в тебя пальцами, перешёптываясь.

Я не знаю, почему призраки злые. Может, потому что городок слишком мал и всем тут душно. Но, скорее всего, оттого, что мы не представляем, в чём смысл нашего существования, мы никому не нужны – даже себе.

Короче говоря, мне не понравилось, что задумал Сириус, но я возражать не стал. Сглупил. Мне нужно было поговорить, объяснить всё, он же не телепат, чтобы по взгляду читать мысли вроде: «Это некрасиво по отношению к человеку, да и есть вероятность, что нас выставят ещё большими идиотами». Но я промолчал...

***

Свисток звал Сириуса занять вахту.

Я оторопел: друг схватил человека за шкурку и без лишних слов потащил к выходу. Отправившись за ними, я утешал себя мыслью, что он же не со злости, просто дико устал от того, что его не понимают. Бедная Эль не знала этого – и я видел, что в одно мгновение она его

возненавидела. Она пыталась отбиться, он заламывал ей руки, и она кричала, искривив лицо. Она была уязвима от боли, и это давало Сириусу преимущество. Сириус даже оттолкнул меня ногой, когда я попытался её защитить. Я отстал.

Когда я поднялся за ними на крышу, то понял, что мы влипли. На крыше уже столпилось столько призраков, что негде было протиснуться. Они смотрели на нас исподлобья, а чёрное небо свистело, как вскипевший чайник. Звёзд не было, и мы бы стояли в крошечной темноте, если бы не Эль.

Она сияла белым светом.

Живая и задорная, сейчас она поникла, сжалась, стала не-собой. Губы дрожали, кожа побледнела, взгляд похолодел, – она стала похожа на нас. Она бормотала: «Что со мной, Антарес?» – и вздрагивала сильнее.

Сириус поднял её за воротник и крикнул:

– Смотрите, призраки! Вот – главное доказательство, люди существуют. Это – человек! Пора признать правду!

Толпа шумела.

– Люди существуют, смотрите, – холодно провозгласил Сириус, и ропот прошёлся по толпе: – Этот человек – настоящий. Мы можем у него выведать секреты параллельного нам мира, узнать, как перемещаться между мирами. Нам больше не придётся вымаливать у звёзд хоть немного света! Мы заберём их солнце. И луну! Мы сможем жить, как захочется! Свободно!

Воротник сдавливал шею Эль, она задыхалась. Я знал, что люди любят воздух и что без него им смертельно плохо, и, растолкав призраков, с силой опустил руку Сириуса, ударил его. Он ведь тоже это знал!

Эль беспомощно упала на меня. У неё были закрыты глаза, но она дышала.

– Нет-нет, это не человек, – нелепо пытался разубедить я призраков. – Это ростовая кукла со светодиодами, – я сам лишь отдалённо понимал значение своих слов: – Иллюзия... Мы решили вас разыграть.

Реакция призраков не заставила себя ждать: «Идиоты!»; «Только время зря потратили!»; «Ни минуты покоя из-за вас двоих!»; «Валите отсюда и больше никогда не появляйтесь!»

Но самое страшное: «О книжках своих можете забыть. Мы вынесем дверь в ваши квартиры и сожжём все книжки, даже пепла не оставим».

– Стойте! – я осторожно положил Эль на бетон и устремился за ускользающей толпой. Меня толкнули, отвесили пару тумачков – так что я упал. Лязгнул засов – они заперли чердак с той стороны.

Я прижался к железу двери и, запустив пальцы в волосы, представил, как призраки врываются в наши с Сириусом дома, переворачивают всё вверх дном, злобно хохочут, кидают книги в кучу на лестничной клетке, обливают бензином и сжигают.

– Ты предал меня, – это был Сириус, и настроен он был враждебно. – Всё бы получилось, не путайся ты под ногами!

Мой друг принял меня за врага.

– Неужели ты не понимаешь? Они охотно поверили в бред, что я им наплёл, потому что ничего не хотят менять. Они погубили бы Эль, а потом выставили бы тебя дураком.

– Дураком меня выставил лучший друг. Я ненавижу тебя за это, Антарес. Ты мне сделал очень, очень больно. У меня ноет в груди.

Сириус опустил передо мной на колени и поднял мокрое лицо:

– Это слёзы, Антарес. Ты заставил призрака плакать.

– Сириус, прости меня, я ведь...

– Кажется, ты придумал способ убийства призраков. Убийства разочарованием... Я умираю, Рес.

– Что за глупости...

Странный золотой свет ослепил меня. На месте Сириуса остались сияющие пылинки, медленно оседающие вниз.

Разочарование расщепило его.

Я вспомнил, как когда нам попадались совместные смены на крыше, мы приносили плед, фонари, книги, и читали звёздам истории о людях. Тогда у Сириуса и появилась мечта стать главным в городе, чтобы пробудить призраков к *жизни*. Сделать так, чтобы они захотели счастья.

– Сириус... Я не хотел, чтобы ты вредил человеку, – пробормотал я.

И остался один в крошечной тьме. Эль тоже исчезла, но от неё и пылинки не осталось.

Стоит ли говорить, что дальнейшее моё существование, и раньше лишённое смысла, стало бесполезным вконец?

***

Говорят, наши воспоминания – в тёмном, тёмном страшном подвале. Это метафора, а ведь меня, и правда, словно чей-то голос зовёт в подвал, обещает рассказать правду. Я его не слушаю, потому что так не бывает.

Призраки одиноки, в этом их судьба. Они не должны ни на что надеяться и, когда приходит их черёд, им следует покорно вымаливать у звёзд сияние: может быть, они когда-нибудь простят и вернуться на чёрные пустые небеса.

Всё в доме после погрома на своих местах: время навело порядок. Но на полках чего-то не хватает: волшебного, бумажного. Книг не вернуть. Во всём городе больше нет ни одной.

А были ли они?

Было ли вообще это всё? Хочется, чтобы не было – Сириуса, моего бедного наивного друга с красивой улыбкой, которого я предал, и зеленоглазой Эль, человека, которого я смертельно обидел.

– Эль, я подарю тебе своё имя, – говорю я, обращаясь к потолку. Из квартиры выходить страшно, да и звёзд больше нет. Горло стягивает невидимая цепь, потому что призраки за стенами слушают меня: – Имя – самое дорогое, что у меня есть, и оно больше не нужно. Нужно только твоё прощение. И доказательство, что ты – есть. Ты – не плод больного воображения. Пусть я сгорю от вины! Зато у меня было такое приключение! О чём ещё может мечтать призрак?

Я ещё раз осматриваюсь: ничего не напоминает о её появлении. Выбиваю из подушки пух, рву обои, бью посуду на кухне. Вижу кружку, из которой пила Эль, и её тронуть не решаюсь.

Когда поднимаю голову, всё на прежних местах. Всё в порядке. Как будто я ничего не делал.

Не наплевать ли на то, что со мной будет?

Мне нечего терять.

***

Они бегут за мной – призраки. Тыкают в меня пальцами и издеваются. Они твердят, что я сумасшедший, толкают меня в мусорные баки, вытаскивают, а потом снова бросают. Они мешают меня с грязью, но я слышу, как голос Эль зовёт меня. Я представляю лестницу, ведущую далеко-далеко вниз, во тьму, представляю во тьме дверь, а за ней – белый свет, представляю, как вхожу, а меня ждёт Эль, обнимает... Я хочу чувствовать присутствие Сириуса и знать, что он не сгинул навек.

«Я не сгинул, Рес, – слышу его голос. Будто он говорит с провинившимся ребёнком, которого любит: – Я проснулся. И ты проснись. Тебе не место в городе призраков. Не обижайся».

Не обижаться? Мне? Сириус, даже если ты глюк – я счастлив тебя слышать. Всё равно, что в этот момент призраки со мной делают.

«Рес, у тебя ещё есть шанс выбраться. Жаль, что другие призраки не знают, что с ними на самом деле. Мне хотелось помочь всем».

Призраки кричат, издеваются:

– Ты лишний, Антарес!

– Зря мы тебя сразу не разорвали, позволили передохнуть в квартире. Мы надеялись, звёзды вернутся. Они не вернулись. Из-за тебя мы навеки застряли во тьме.

– Придурок, я же говорил, из-за тебя не видать покоя!

– Ну ничего, впереди вечность. Мы оторвёмся на тебе, Антарес!

Я понимаю, что кто-то тянет меня наверх, но ещё я понимаю, что лежу в противной жиже, избитый, не двигаясь, и никто не поможет подняться. Они раздирают меня на части.

«Рес, реши, веришь ли ты в людей, в себя, в меня. Это всё изменит. Мы ждём тебя».

Это Сириус. Он по ту сторону. Я верю. Кто ещё может быть так крут? Моё воображение на это неспособно. И люди точно-точно есть. И Эль есть. И я справлюсь. Вытерплю. Сколько угодно. Лишь бы её ещё раз увидеть – и Сириуса.

Я отвечаю обидчикам, распадаясь на атомы:

– У меня нет имени. Меня... зовут... не Антарес...

***

Я хочу увидеть осень. Чтобы падали алые, жёлтые листья, а мы с Эль сидели в парке. Я – в чёрном пальто, и она – в красном, с букетом рябины в руках. Я хочу, чтобы она положила голову на моё плечо, а я читал ей книгу... о призраках, которые не верят в людей.

Сириус, почему я тебя больше не слышу? И почему мне... тепло? Игла в вене, трубочки какие-то, пищалки. Не могу пошевелиться. На меня смотрит девушка в белом халате и маске. У неё тёмные волосы и зелёные глаза.

Эль?

Она зовёт кого-то. Прибегают ещё в белых халатах. Суетятся. Эль роняет что-то на пол. Получается повернуть голову.

Сириус, это ты. Тоже с иглой в вене, в трубочках. Ты меня узнал. Улыбаешься мне. И я улыбаюсь.

Сириус, кажется...

Мы – люди.

Алексей Лад

Совладелец литературного сайта, пишу малую и большую разножанровую прозу, стихи, рецензии. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы», НГ) «О любви» (2016, АСТ, Москва), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ, Москва), в сборнике рассказов «Голос пули», посвященном 100-летию А.И.Солженицына (2018, Перископ-Волга, Волгоград), подборка поэзии в сборнике стихов современных поэтов «Высоцкий 80», посвященном 80-летию В. С. Высоцкого (2018, Перископ-Волга, Волгоград). «Зачем тебе крылья, Икар» – в тройке победителей поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). «Война цветов» – дипломант международного поэтического конкурса «Большой финал», 2017-18. «Море, крабы, осьминоги» – победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой аленький цветочек» (ж. «Параллели», № 5, 2018, Инсома-пресс). Люблю смешивать времена и поколения. Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

По ту сторону

– Ой, он такой красивый, если бы вы видели! – говорила симпатичная рыжеволосая девушка двум подругам, в глазах которых явственно читалась зависть. Троица сидела в салоне, у столика, на котором валялись раскрытые каталоги, образцы тканей и кружев. – Высокий, черноволосый, глаза синие ясные! Как посмотрел на меня – все! Любовь с первого взгляда.

– Брюнет, значит... – нервно протянула одна из подруг, длинным расписным ногтем переворачивая страницу каталога.

Вторая – белокурая маленькая синеглазка – вздохнула:

– Любовь...

***

Я больше не чувствовал времени. Казалось, что так было всегда: прошлого нет, я вечно бреду по этому туннелю и не помню ничего.

Помню, конечно. Воспоминания миражами колышутся в голове, скользят, перемешиваются, краски их вспыхивают и выцветают, неизменно растворяясь в данности – в бесконечности туннельной тюрьмы, куда я попал, не совершив ничего плохого...

Я помнил уютную комнату, в которой жил спокойно долго-долго, помнил, как однажды в стене образовалась дыра размером с дверь, и оттуда хлынули запахи иного мира: воска, пудры, нафталина и цветов.

И я шагнул туда – в дыру – как был: с карамелькой за щекой и надкушенным бутербродом в руке.

Нет! Не считите меня за пытливого исследователя! Упаси преисподняя от экспериментов над самим собой. Это был – Зов. Такой Зов – что ноги сами зашагали, не дав ни секунды времени для размышлений.

Марионеткой, которую тянут невидимые нити, я прошагал метров пятьдесят, опомнился, оглянулся, но вместо ожидаемого светлого проема за спиной был все тот же туннель, что и впереди: сумрачный, с зеркальными вкраплениями в стенах без боковых коридоров, узкий – всего-то метра полтора в ширину, в высоту – два. В туннеле не стояла крошечная темнота, но откуда шел неприятный безжизненный белый свет – я разглядеть не мог.

Конца не было сзади, конца не было впереди... Был лишь Зов, который заставлял идти быстрее, поднимал, когда я без сил опускался на пол, подгонял, если ноги совсем отказывали и, кажется, всегда находил во мне еще неиспользованную энергию.

Сколько уже я так иду? Не знаю...

Давно исчез бутерброд с колбасой и сыром, опустел пакетик с чипсами, к моей радости обнаруженный в кармане, – теперь я только пил, припадая к зеркальным стенам, по которым изредка бежали струйки воды, вытекающей неизвестно откуда и пропадающей неизвестно куда. По вкусу и на цвет ржавая, словно из батареи. Все же вода на время отбивала запахи, накатывающие волнами: то запах кошек в течке – удушливый, выворачивающий желудок, то тухлой рыбы, то отхожей ямы, аромат увядших цветов и воска – этот запах, хоть и остался позади, но, казалось, пропитал всю одежду.

В очередной раз по икрам прошла судорога, я остановился, но тут же сделал новый шаг, увлекаемый Зовом. Я пробовал руками упереться в стены. Нет! Лучше идти, чем чувствовать, как бессознательная твоя часть рвется вперед, а сознательная начинает умирать, вцепившись в стенные выбоины и выпуклости.

Зеркальные серебристые квадраты должны были бы отражать меня – идущего по туннелю, однако я видел в них какие угодно тени, но только не себя. Серый их цвет мерцал кое-

где, становясь ослепительно белым, местами окрашивался красным, как будто тут только что совершили убийство. Цвета дробились, мозаика стен перекликалась с полом.

Полом ли? Субстанция под ногами походила на смесь тягучего каучука с бетоном – вместе с тем зернистая, неоднородная. Коричнево-черная поверхность то и дело вздымалась или же прогибалась так, что в ней возникали отверстия, из которых со свистом вылетали пар и струйки огня. Приходилось перепрыгивать не по своей воле. Что до меня – я был уже готов согнуться в одной из таких ям, но Зов не позволял.

Туннель прямой, как лифтовая, только горизонтальная, шахта стоэтажного дома, отсутствие поворотов ломало психику...

Пугали звуки. Они возникали внезапно, нарушая тишину в тот момент, когда она уже начинала давить на уши.

«Ртчшср» – заставлял вздрогнуть неожиданный скрежет впереди. «Иииииииии» – тонко и визгливо раздавалось вдруг, и сердце сжималось от страха. «Шшшшшшшш», словно кто-то полз – длинный и чешуйчатый. Этот крадущийся шелест невидимого тела вызывал мурашки.

В придачу к страшным звукам я чувствовал странное: то ноздри забивались серой пылью туннеля; чьи-то невидимые руки опускались на плечи; как будто по лбу пробегало что-то – маленькое и неприятное; ноги натывались на нечто, похожее на труп, перешагивали, но задевали – кость?

Самое кошмарное: лязг мчащегося на меня поезда и ощущение ветра от него, запах гари! Я же не мог никуда деться из туннеля и метался, ударяясь о стены, пока не понимал, что это все – фантомы.

Потом снова наступала тишина. Вновь давила, как вода на утопленника. И опять я брел, не чувствуя ног и отмечая движение только в перемене оттенков серебристых, черных и красных цветов и в возникающих время от времени струйках воды на стенах...

Всему приходит конец. Я сначала не увидел его, а почувствовал.

Зов как будто ослабел и не тянул меня, а вел, подталкивал в спину, осторожно приближая к цели.

Живой свет мелькнул впереди, словно там открыли дверь и держали свечку, чтобы я не заблудился.

Тишина лопнула, как мыльный пузырь, туннель наполнился едва различимыми бормотанием, вздохами, всхлипами. Я разобрал отдельные слова и вздрогнул.

Так вот оно в чем дело, забирай меня, господь, в райские кущи!

Двадцать первый век на дворе! Это ж надо было додуматься-то!

И где эта дурища взяла заклинание, о действии которого я уже начал забывать, как о страшном сне?! Сто лет покоя – и вот на тебе, сюрприз: седина в шерсти, мозоли и возможное заикание!

«С кем быть суждено, с кем век проведу (кашель)... Суженый, покажись (всхлип)... Ряженый... ну, покажись же (вздых)».

Сейчас... покажусь. И покажу тебе, где нынче раки в преисподней зимуют!

Я быстро провел по рогам, стряхивая серую пыль туннеля, вернул им черный гляцевый блеск, подпустил во взор красных всполохов, вздыбил шерсть, протянул вперед руки, целясь копытами прямо в огонек свечи.

Сознание вызывающей – открытая книга, три извилины. И зачем дурында полезла к зеркалам, когда у нее в голове – Вася из соседней квартиры?! Гадательница, мать твою люциферову!

«Суженый... ох... я устала уже... явись... (кашель, всхлип, вздох)»

А я не устал? С койки сдернула, по туннелю погнала... Явлюсь... во всей красе адовой! Будет тебе не Вася, а кошмар на века. На век, то есть, девичий... ну или на задницу – приключение.

Отверстие, в котором уже угадывались и кружевная ночная рубашка, и светлое личико в конопушках, с глазами-блюдцами, – задрожало, словно было лишь поверхностью зеркального омута, пошло рябью.

Истошный визг резанул уши похлеще бывшего поезда, сменился смехом пополам с рыданиями. Свечи погасли, мелькнуло что-то белое, меня словно шандарахнуло по рогам дубинкой, и все пропало...

Я стоял в квартире с карамелькой за щекой, с недоеденным бутербродом в руке и почему-то с пустым пакетом из-под чипсов. Никакой дыры в стене не было, но то ли на задворках сознания, то ли в подъезде нашего бесовского общежития – ул. Злопазухи, д. 666ю, кв. 6/3 – дребезжал звук бьющихся зеркал. В осколки! Я засунул палец в ухо, поковырялся и вытряхнул надоевшую мелодию, радуясь поверью: чтоб мне семьсот лет такого счастья не видать!

***

– А мне вот это нравится! – рыжая девица с лицом, усеянным веснушками, словно ночное небо звездами, открыла страницу каталога, где красовалось свадебное платье, украшенное серебряной вышивкой.

– Твоим волосам больше пойдет с золотом, – засомневалась одна из подруг.

Вторая – нервная – заметила как будто невзначай:

– Ты же Васю своего с детства знаешь, сама говорила. Ну какая тут любовь с первого взгляда?

– И что? – счастливая улыбка тронула губки невесты. – Я его два года не видела. Приехала домой на новогодние каникулы и встретила вдруг в подъезде! Как раз на следующий день после Рождества. Идет Вася прямо на меня, в руках пакетик чипсов держит. Черт дернул, что ли, я ему говорю: «Вася, привет, не угостишь?» А он растерялся, вертит пустой пакет, молчит и глаз с меня не сводит. Ну а дальше... пошли мы вместе – чипсы покупать.

– Здорово, – вздохнула белокурая подружка, – я тоже так хочу.

– Чипсы! – фыркнула нервная. – Из-за такой ерунды – и любовь!

– И свадьба! – рассмеялась веснушчатая невеста. Девушки снова склонились к каталогу белоснежных нарядов...

Про гадание и разбитое зеркало не было сказано ни слова.

Страшная история

Спрашиваете, почему у меня – молодого – волосы седые?

Хорошо, расскажу.

Вот, значит, как это было...

Есть на окраине нашего городка старое, наполовину заброшенное кладбище, граничащее с вековым дремучим ельником. Возле самых ворот еще хоронят, но ближе к центру, а уж тем более к лесу, дорожки кладбища заросли низкой травой; могучие деревья вспучили корнями забытые могилы, повалили деревянные кресты; каменные памятники с неразличимыми от времени надписями обкрошились, покрылись мхом, ржавые ограды спрятались в зарослях лесной повилики и дикого плюща. Между могилами в тени деревьев пышно разрослись крапива и колючая малина с огромными, с подушечку пальца, ягодами по осени.

Однако возле самых ворот искусственные цветы на венках еще не потеряли красок, не истлели под солнцем. Гуляют по расчищенным дорожкам родственники умерших, красят голубой краской ограды, моют минералкой глянцевый мрамор.

Далеко никто не ходит. Разве что редко-редко заглянет в отдаленные уголки кладбищенский сторож да пробежит, пугаясь, рисуясь друг перед другом небывалой отвагой, стайка бесшабашных мальчишек.

Вот на «слабо», скажу я вам, меня и купили...

Сколько раз говорил себе – понты до добра не доведут. Точно.

«Не слабо ли, – подначили как-то приятели, – прогуляться тебе по кладбищу, по самым его заброшенным местам?»

«Не слабо», – отвечаю.

Поспорили, цену обозначили, ударили по рукам. И так оказался я на кладбище. Да не днем...

Было это как раз в ту майскую ночь, когда, говорят, странные дела вокруг творятся, когда между мертвыми и живыми реальность истончается до ниточки. Самое время – маленькая пауза между сумерками и ночью, – горизонт очерчен тонкой светлой полосой ушедшего солнца, небо еще синее, а не черное, но на нем уже загораются первые звезды. Выплывает полная важная луна, и птицы смолкают, уступая место невидимым ночным обитателям леса.

Вот в такую пору и пошел я гулять по кладбищу. А что? Парень я смелый, ничего и никого не боюсь, во всякие ужасы, в сказки кладбищенские не верю.

Иду себе, помахиваю сорванной травинкой.

Все же, знаете, как-то жутковато стало. Черные силуэты деревьев обступают дорожки, тянутся ветвями, цепляются за одежду, чуть ли не рвут ее, под ноги суются старые корни, скрипят пошатнувшиеся кресты. По спине – холодок, словно идет кто сзади, подкрадывается, дышит в затылок. И озноб этот – уже и не холодок, а мороз по коже.

Потому и шарахнулся я в кусты, когда увидел впереди, на вросшей в землю чугунной скамье, две серые тени.

Выглянул осторожно: сидят, прижавшись, не шевелятся. В темноте белеют лица, а на них черные пятна глаз и губ.

Хотел я уже отступить в лес да убежать, как вдруг слышу дрожащий голосок – тихий-тихий, словно из-под земли:

– Дяденька, не уходите, дяденька...

И другой – такой же приглушенный, шипящий – вторит первому:

– Не уходите, пожалуйста. Мы заблудились. Проводите нас до ворот, если не трудно.

Жалобные такие голоса, плачущие.

«О, – думаю, – а вдруг они меня заманивают? Набросятся потом, и косточек не останется».

Да ну, бред же! Какие упыри, русалки или призраки из могилы в двадцать первом веке? Делать нечего... Вышел я из кустов на дорожку.

Две тени поднялись навстречу и превратились в двух девиц высоченного роста. Легче мне не стало. Девушки – в черном с головы до пят. Лишь лица да ладони белеют. Глубокие пятна глаз и ртов – точно провалы могильные. Брррр!

– Отчего не проводить, провожу, – говорю и не заикаюсь... почти.

Вот, значит, идем мы по дорожке. Девушки под руки меня взяли, жмутся, молчат, лишь глазами зыркают по сторонам – на могилы, исподтишка и меня разглядывают. Чувствую, от них это холодом веет, и запах, знаете ли, странный такой, мертвый, как из старой пудреницы бабки-соседки. Я уж сам – ни жив ни мертв – еле ноги переставляю. Страшно...

Так, молча, добрались мы до первого фонаря.

Ой, братцы, вот тут-то и появились, наверное, у меня седые волосы. Лучше бы фонарь не светил!

Глянул я на спутниц и обомлел весь: одежды на них угольные, под ними плоские, высохшие, видно, тела; запястья змейками рисунки синие обвивают, костлявые пальцы с длинными черными ногтями унизаны массивными перстнями с матовыми кровавыми камнями. У обеих девушек волосы темные, сальные, спутанные, на белых лицах глаза сажей обведены, а в них свет фонаря адским огнем отражается, и губы ярко-красные. Жуть.

Та, что слева, увидела мой испуг, ухмыльнулась, зубами клацнула:

– Что, – проскрежетала, – боишься? Прикольно. Не бойся, мы тебя не тронем.

– Мы, правда, заблудились, – хрипнула та, что справа.

Ох, как я обрадовался, когда за поворотом началась асфальтированная дорожка, а в конце ее показались освещенные фонарями ворота. Но до ворот еще дойти нужно, а ноги не слушаются. Кое-как доковылял, поддерживая девушек под худые руки.

Да вы не переживайте, братцы, так ничего и не произошло. Говорил же: не верю я во все эти «загробные бредни».

Распрощались мы вполне нормально. Я даже хотел телефончики записать, но успел спросить только:

– Кто вы, девушки?

Одна из них прошептала словечко на ухо:

– Готы...

Девушки хором сказали «спасибо», чмокнули в щеки кровавыми губами, похлопали меня по плечу и растворились в темноте за широкими воротными створками.

А я что? А я ничего.

Спокойно пошел обратно.

Добрался уже без всяких происшествий до своей уютной могилы, нырнул в гроб, крышку сдвинул и заснул крепко, без всяких кошмаров.

Что бы там ни говорили мои приятели-соседи, а бродить по кладбищу ночью несколько не страшно. Двадцать первый век все же. И люди живые тоже вовсе не такие страшные, как старики их описывают, даже – как там девчонка выразилась? – прикольные.

Говард Кинг

Не знаю, как так вышло со мной, но я с детства был без ума от жанра ужасов, с ним же – и с мамой преподавателем литературы и русского языка – позже пришла любовь и к литературе в целом. Возможно, это была некая форма мазохизма, может и психического расстройства, но мне мальчишкой нравилось после просмотра или прочтения чего-то страшного ощущение, когда ты зарываешься с головой в одеяло, прислушиваясь к каждому шороху в доме. Ты будто попадаешь в другой мир, картина реальности меняется, и теперь играть нужно было по другим правилам. Естественно, я искал всё новые и новые грани этого ощущения и пришёл от Д.Емца с его «Чёрной-чёрной простыней» и «Мальчиком-вампом», к вышеупомянутому сэру Кингу, будь он не ладен! От «Ночной смены» я был просто в восторге и ужасе. Кинг открыл мне Брэдли, Лавкрафта, Готорна, и понеслось – не остановить. В итоге поиск привел меня в старших классах к мысли: «А почему бы мне не сочинить историю, где все будут играть по моим правилам?». Не знаю, что я там натворил в своей голове тогда, за какие рычаги дёрнул и на что себя обрёл, но только теперь, спустя пару лет, я по-настоящему начинаю себя плохо чувствовать, если не пишу и не читаю, меня будто затягивает в зыбучие пески.

Сорок четвертый Хэллоуин

Дьюи Андерсен проснулся от звона часов в гостиной, извещавших об окончании половины суток. Совсем скоро входная дверь будет страдать от стучащих в неё детишек. С кухни доносился сладковато-кислый запах тыквенного пирога. Сьюзи, жена Дьюи, считала, что на праздник, главным символом которого является тыква, грех не печь тыквенные пироги. По вкусу эти кругляши были так себе, но Дьюи, чтобы не расстраивать Сью, съедал два кусочка и сына Питера заставлял сделать то же самое. Угрозой непослушанию служил запрет выходить из дома. Это срабатывало тогда, когда Питер ещё бегал за сладостями в искреннем предвкушении, срабатывает и сейчас, когда поход за конфетами сменился розыгрышами над школьными учителями и несомненной фишкой, о которой за пределами городка Эйбон, наверняка, никто не слышал – игрой под названием «Конфетные Пираты».

Только ребята от тринадцати до пятнадцати могли в ней участвовать. Желавшие сыграть собирались в заброшенном доме номер 314 по Джорджстрит. Дом этот стоял там сколько Дьюи себя помнил. В свои четырнадцать лет – впервые, когда брат Генри поведал о «Конфетных пиратах» – Дьюи охватило странное волнение, будто в один прекрасный день этот старый дом на окраине города рухнул откуда-то с неба, принесённый ураганом из другого измерения. *Или вылез из сырой, кишящей червями земли.* Никто в городе толком ничего не знал о прежних хозяевах. Генри рассказал, что раньше дом принадлежал уродливому, нелюдимому парню, который был то ли «прокажённым», то ли «сифозным», отчего всё его лицо сгнило, и ему приходилось носить маску.

– Ты сам-то его видел? – спросил тогда Дьюи, привыкший подвергать сомнению все истории Генри.

– Нет, конечно, тупица, это было очень давно! Но так говорят...

– Кто говорит?

Генри ничего не ответил.

Скорее всего, всё это было сплошным враньем. И тем не менее, стоя теперь у порога дома номер 314 по Джорджстрит в сгущающемся сумраке, Дьюи ощущал, как дурацкая выдумка Генри о прокажённом отшельнике в маске, наверняка не жалующего незваных гостей, превращалась в нечто осязаемое и вполне реальное. Возможно, если бы Дьюи взгляделся в наспех заколоченные окна на фронтоне, он бы даже смог рассмотреть, как там за пылевой завесой стоит чёрная фигура в пожелтевшей театральной маске – точь-в-точь как у Лона Чейни в «Призраке оперы» – и наблюдает за ними. Сейчас он мог представить всё что угодно, а поэтому, опустив глаза, быстрым шагом направился за Генри на задний двор.

Единственным входом в дом служило подвальное окно. Стекло отсутствовало, по-видимому, убранный ещё поколением «пиратов» его отца, чтобы, не дай бог, не вспороть себе брюхо, спускаясь вниз. Дьюи спросил тогда Генри:

– Почему бы не выломать заднюю дверь и не проходить через неё?

– Через окно круче! – буркнул брат и почесал ложбинку верхней губы.

Врёт... – понял Дьюи. Генри, сам того не замечая, постоянно так делал, когда лгал, будто таким образом снимал со своего рта ответственность за произнесённые слова.

Трусит, – вот, в чём было дело. Наверняка все, кто сегодня соберётся в подвале дома, и все, кто собирались в нём в прошлом, знали легенду о последнем жутком владельце и опасались тревожить его заколоченный досками покой. Но расспрашивать и выводить Генри из себя было поздно, половина его туловища уже исчезла за оконной рамой, из которой пробивалось тусклое желтоватое свечение.

В ту ночь в подвале дома номер 314 по Джорджстрит собралось много непрошенных гостей. Около двадцати мальчишек, все ребята с соседних улиц, все «избранные», знающие о «Конфетных пиратах». Они расселись на полу вокруг Светильника Джека с замиранием ожидая, что скажет мальчишка, стоящий возле огромной тыквы в центре их круга. Поднятой над головой ладонью он призывал всех к молчанию. В те минуты Дьюи ощущал себя частью чего-то большого и значительного: у них своё секретное общество, существующее уже на протяжении, вы только вдумайтесь, почти шестидесяти лет!

Когда все смолкли, стоящий в центре мальчишка нарочито басовитым голосом начал с приветствия «новых грязных сухопутных крыс» в их рядах, после чего, не медля, перешёл к правилам игры. Все собравшиеся делились на несколько команд из трёх человек: обычно пятнадцатилетний назначался капитаном, четырнадцатилетний – боцманом, тринадцатилетний – юнгой. Если же поделить по возрасту не получалось, то роли назначал конфетный король прошлого года, которым и был рыжеволосый мальчишка, объяснявший правила. Каждая команда должна была собрать – то есть, отнять – максимально возможный куш за два часа, после чего вернуться на Джорджстрит для подсчета добычи. Собравшие больше остальных получали все сладости других команд и звание «Конфетного короля» для капитана. От того, кто ты в команде по старшинству, зависела доля получаемого тобой «великого сокровища». «Капитану» команды шло пятьдесят процентов добычи, «боцману» – тридцать и двадцать «юнге». Да и имя победителя будут помнить, по крайней мере, две-три последующих игры – чем не слава? Сладостей же получалось столько, что хватало королю на следующие пару месяцев, если сильно не налегать.

Злосчастный восемьдесят седьмой год... Дьюи навсегда запомнит его. Год, когда Генри Андерсон, его старший брат, решил во чтобы то ни стало получить титул «короля».

От воспоминаний Дьюи отвлёк стук в дверь. «Ну вот и первый посетитель», – подумал он, взяв приготовленную стеклянную вазочку, полную различных тянучек, шоколадок, мармелада, взрывной карамели и прочих вредностей. За дверью оказался паренек лет одиннадцати, облачённый в костюм новомодного супергероя, которого Дьюи видел на картинках комиксов Питера.

– Сладость или гадость? – спросил мальчишка писклявым голосом.

– Выбираю сладость, – ответил Дьюи, натянуто улыбнувшись. Его очень ущемляло, что он теперь не может, как этот паренёк, облачиться в маскарадный наряд и побегать, собирая конфеты. Напоминало о том, что он постарел и детские годы давным-давно позади. Дьюи взял небольшую горсть из вазы – не хватало ещё раздать всё сразу – и бросил конфеты в бумажный пакет мальчика, обклеенный летучими мышами и жёлтыми звёздами.

– Спасибо, сэр! – учтиво ответил паренёк и со всех ног помчался к следующему крыльцу.

Дьюи закрыл дверь, заранее зная, что через пять-десять минут снова её откроет, чтобы выполнить свою функцию в этот праздник, как «настоящий взрослый». Он прошёл на кухню. Сьюзи сидела на корточках, заглядывая в светящееся окошко духовки. На этот Хэллоуин, впрочем как и на прошлые десять, она вырядилась «мёртвой невестой». Дьюи считал, что Сьюзи просто хотелось покрасоваться в свадебном платье, в котором она вышла замуж. Она даже специально перешлила его, чтобы влезть вместе со своими десятью лишними килограммами, набранными в безмятежном быту. Но это нисколько её не портило, Дьюи знал, что она по-прежнему хороша и сексуальна, как в платье, так и без него, так же хороша, как в их первую брачную ночь. Наряд возбуждал его, и если звезды в такие вечера сходились верно – Питер уходил из дома, у Сьюзи было настроение, у Сьюзи не было «этих дней» и звонящие всю ночь детишки их не выматывали – тогда он хватал её на руки и уносил в спальню на втором этаже, где они занимались любовью.

«Я трахал покойника в эту ночь, чертовски горячего покойника», – шутил Дьюи неизменно после, и неизменно Сьюзи хохотала, удалялась в ванную, поцеловав. На этом выдача сладостей в их доме приостанавливалась до следующего года.

Он подошел к ней, положив руки на плечи.

– Ну как там наши малыши? – спросил Дьюи.

Как там эти тыквенные уродцы?

– Замечательно, ещё пару минут – и можно вынимать. Позови, пожалуйста, Питера, я ему кричала, но он, должно быть, опять заткнул уши и ничего не слышит, – попросила Сью.

– Само собой. Слушаюсь, босс! – Дьюи попробовал утащить со стола куриную ножку, но тут же получил стальной лопаткой по руке: – Ай, больно же, масса¹!

– Давай, не паясничай, ворюга, иди зови сына.

Но Дьюи не успел дойти до лестницы на второй этаж, как в дверь постучали. Дьюи тяжело вздохнул, однако выбора не было. Такова была его функция, как «настоящего взрослого». Не посмотрев в глазок, он открыл. Трое мальчишек в костюмах черепашек-ниндзя хором выкрикнули:

– Сладость или гадость?!

– А что, Донателло приболел? – спросил Дьюи, ухмыльнувшись. Он хотя бы знал, кто такие черепашки-ниндзя, их имена и что их было четверо.

Ребята оглядели друг друга и рассмеялись, Дьюи вместе с ними.

– Выбираю сладость, парни, – он дал им конфет чуть больше, чем мальчишке-супергерою. Закрыв дверь на щеколду и стал подниматься вверх, в комнату Питера, попутно возвращаясь к воспоминаниям своего четырнадцатого Хэллоуина.

Жертвами конфетных пиратов становились, как правило, самые маленькие собиратели конфет пяти-девяти лет без сопровождения взрослых. У таких легко было отнять часть их богатств, не прибегая к кулакам. Следовало не брать слишком много, иначе потом могли быть проблемы со взрослыми, которые могли счесть это воровством. *Ну да, воровать то, что и так раздают бесплатно.* Правда, они не нагтели, благо детей в их городке пруд пруди: «Одна пригоршня с пакета, а дальше иди-гуляй на все четыре стороны, приятель». Правило одной пригоршни было важным, но проконтролировать его никто не мог, приходилось верить на слово. Каждый выбирал свой район местом действия, и не везло тем «пиратам», чьи дома находились по соседству. Но такое случалось редко, участников было не так много, и ссор не возникало. Все искренне получали удовольствие от самого процесса игры, они «конфетные пираты – береги добро ребята!».

Около восьми прошлогондний король закончил говорить, дал сигнал к началу игры и только потом понял, что поспешил. Пока все мальчишки, толпясь, вылезли из узкого подвального окна, прошло не меньше десяти минут. Старт пришлось давать заново. Лестницей, ведущей из подвала в дом, так никто и не воспользовался.

Дьюи, как и следовало ожидать, был в команде с Генри, и к ним привязался парёнок из школы, то ли Билли Стокс, то ли Бобби Стокс – Дьюи уже точно не помнил. Тогда он гордился тем, что он – второй по важности в команде, а первый – его брат, Билли-Бобби его не особо заботил. А вот Генри слегка беспокоил. Он целый месяц, как заведённый только и говорил о том, что обязательно победит. «Здесь все становятся либо очень богатыми, либо бедными, амиго!» – вопил он, выхватив, должно быть, эту крутую фразочку из просматриваемых захлёб вестернов. У Генри был некий «стопроцентно гениальный план», и это не нравилось Дьюи. Все «гениальные планы» Генри всегда оканчивались катастрофой.

---

¹ Масса (massa) является искажённым произношением английского master – хозяин, господин. В XVIII – XIX вв. оно было распространено в США как обращение чернокожих рабов к белому владельцу.

– Питер? – Дьюи постучал в дверь прежде, чем войти. Личное пространство сына он уважал, и ему не хотелось, случайно ворвавшись, застать, например, сына со спущенными штанами, уставившегося в экран компьютера. Нет, это ему точно не нужно. Никто не ответил. Дьюи постучал еще раз: – Пит, мама зовет кушать! – снова тишина. Что ж, если что, он не виноват.

Питера в комнате не оказалось, на его кровати лежал свёрнутый вдвое лист бумаги. Сердце сковало тревогой. Развернув записку, Дьюи начал читать, и тревога постепенно сменялась злостью, а дочитав, он и вовсе расхохотался. «Ты меня обхитрил, большой Пит, похоже, пироги сегодня есть мне одному». На бумажке небрежными загогулинами было выведено: *«Пап, я ушёл с ребятами на игру. Успокой, пожалуйста, маму, пускай не переживает. Со мной Скотти и Билл, они меня в обиду не дадут. Пап, сегодня мы точно победим!»*

Как бы Дьюи не хотелось, чтобы Питер не участвовал в игре, принёсшей ему в восемьдесят седьмом настоящие страдания, он понимал, что запрещать не вправе. В конце концов, Питер – не он, и не дядя Генри, ему не обязаны грозить те же неприятности, что случились с ними, когда брат решил осуществить свой «гениальный план».

Дьюи спустился и сообщил Сью, что сегодня ужин пройдёт без сына. Сьюзи запаниковала: как это – её сын останется голодным, но Дьюи, как и просил Питер, успокоил её, заверив, что парень достаточно взрослый, чтобы решать самому, хочет он есть или нет.

– Он отправился на «игру», Сью. Знаешь, ведь я тоже был таким.

– Знаю-знаю, твои хэллоунские истории. Я уже десять лет их слушаю, хоть в этот год избавь меня от них, любимый.

– Нет проблем, сеньора. Слушай, Сью, я тут подумал, а может, мы сегодня забудем о раздаче конфет и займемся чем-нибудь более приятным? Похоже, сегодня звёзды на нашей стороне, – подмигнул ей Дьюи.

– Может-может. Но сначала ужин, иначе выходит, что я зря корячилась полдня на кухне.

– Само собой, я, между прочим, очень голоден, – сказано это было вяло, потому что Дьюи вспомнил...

«Майки Датс» – имя это ворвалось в подкорку так неожиданно. Четырнадцатый Хэллоун для него, пятнадцатый для Генри и шестнадцатый для Майки Датса. Неужто все было зловеще предопределено с того самого момента, как Генри решил стать «конфетным королём»?

Их трио бегом покинуло задний двор заброшенного дома на Джорджстрит, следуя за Генри Андерсоном. Сегодня он их вёл, был их вожаком.

– Помнишь, Дью, я тебе говорил, что у меня есть план? – спросил Генри, обращаясь к брату, Билли-Бобби Стокс его не заботил.

– Ещё бы. Ты весь месяц об этом твердил, Генри. Ещё бы я не знал этого... – остаток фразы Дьюи сказал себе под нос, чувствуя недоброе из-за горячего блеска во взгляде старшего брата.

– Сегодня мы оберём всего лишь одного мальчишку, но этого нам хватит, чтобы победить. Как тебе такой план?!

– Всего одного? – вмешался в разговор Бобби-Билли.

– Да, всего одного. Того, кому конфет дают всегда в два раза больше, – Генри криво ухмыльнулся, а Дьюи почувствовал, как холодок пробежал по спине. Таким он брата видел впервые. Готовый на всё, чтобы достичь своей цели – горы конфет впридачу к славе среди кучки подростков.

Бобби-Билли плохо знал Генри и продолжил расспросы:

– А кто он? Сынок владельца конфетной фабрики? На криминал подписываться я не буду, ребята, – заржал он.

– Да заткнись ты! Ей-богу, ещё одно слово, и я тебе накостыляю! – проревел Генри. До Бобби-Билли дошло, что атмосфера похода будет далеко не дружественная. Он последовал совету и заткнулся.

С Джорджстрит ребята вышли на Мейнстрит, откуда нужно было идти ещё каких-то пять минут до их района. Генри чуть ли не бежал и, оборачиваясь, грозным взглядом подгонял остальных за собой. *«Быстрее-быстрее, сволочи, – словно говорил он. – Быстрее, а не то я вас прикончу, и даже тебя, братец, не пожалею»*. Когда они добрались, Генри резко свернул в кусты и, присев на жёлто-красный ковер листвы, стал копаться в своём рюкзаке. Дьюи ещё перед выходом из дома заметил, что брат взял его с собой, и счёл это частью плана, и, как оказалось, был прав. Из рюкзака Генри достал три уродливые маски клыкастых зелёных чудищ, напоминавших отвратительных гоблинов. Даже держать в руках их было противно – не то, что надевать на лицо!

– Генри, зачем нам маски? Разве смысл не том, что пираты «вне системы», ты же говорил нам, что не нужно наряжаться.

– Так, Дью! Ты тоже решил меня подставать, как этот парень? – махнул Генри головой в сторону третьего участника. – Просто надень эту маску. Если ты, конечно, боишься, то иди домой, я тебя не держу, но потом даже не проси конфет.

– Чёрт, да не боюсь я, – в подтверждение своих слов Дью выхватил маску и с трудом натянул на голову.

Дышать в этой штучке было неудобно. Отверстия для ноздрей были слишком узкими, от вони дешёвой резины тошнило.

– Ха-ха-ха! Отлично, Дью. Выглядишь жутко, в штаны можно наложить!

Дьюи попробовал ответить – *не сомневаюсь*. Однако вместо этого прозвучало: *ихесмеваюсь*. С ротовым отверстием была та же беда, что и с ноздрями.

– Сегодня мы ограбим Майки Датса, парни! – сказал неожиданно Генри и закивал.

Дурачок-Майки Датс... Майки был старшим ребёнком Элеоноры и Стивена Датс. Он родился, как выражались взрослые, «другим». Дети же прозвали его ласково «дурачком». Над Майки Датсом никто не подшучивал и не издевался. Младших ребят Датс странным образом притягивал, и они готовы были горой стать за него. На Хэллоуин Датс, несмотря на его великовозрастность, ходил со всеми собирать конфеты. Его родители понимали, что Майки, скорее всего, так и останется «другим», и с этим ничего не поделаешь – по крайней мере, у них останется в старости тот, кто за ними присмотрит, когда младший сын уедет в колледж, а потом женится, и ему уже будет не до стариков.

Дьюи стянул маску и со злостью выпалил:

– Нет, Генри, только не Майки! Это низко и подло – отнимать радость праздника у дурачка Датса! Я на это не согласен.

– Как же ты надоед нить, Дьюи! Ты хоть представляешь, сколько у этого «дурачка Датса» будет с собой сладостей? Ему всегда насыпают намного больше остальных, жалеют его отсталость. Заберем его пакетики, он даже понять не успеет. Обгадится от наших масок и потом не сможет рассказать, кто его обчистил. Разве это не идеальный подвиг для конфетных пиратов?!

– Нет, это не подвиг. Это уже воровство, а не игра! Не надо, Генри. Давай просто по-честному попробуем выиграть. Не выйдет – и чёрт с ним, да я даже на маски согласен, но Датса не надо трогать. Не надо, Генри... – взмолился Дьюи. Если ему не удастся убедить Генри словами, по-другому не выйдет, брат намного сильнее, он с легкостью сможет дать отпор Дьюи и Билли-Бобби, даже если тот станет на его сторону.

– Я уже говорил тебе, Дью, что, если тебе страшно, можешь идти домой, я всё сделаю сам. И ты тоже, парень. Я вполне справлюсь без вас.

Дьюи не верил своим ушам. Неужели такой должна быть игра, о которой ему три месяца рассказывал с восторженным видом Генри?! То, чего он ждал эти три месяца — психован-

ный брат, помешавшийся на мыслях о победе в дурацкой хэллоуинской игре? И всё же, Дьюи остался, ровно для того, чтобы в нужный момент помешать Генри совершить поступок, о котором тот будет жалеть всю жизнь.

– Супер, крошка! – любимая фраза Генри, выражавшая степень истинного восторга.

– А как мы найдем этого Датса, Генри? Наш район состоит не из одной улицы. На поиски уйдёт целая ночь, – спросил Бобби-Билли Стокс: ему, похоже план пришёлся по душе.

– Она бы ушла, если мне не было известно, в каком тряпье будет этот великовозрастный идиот, и то, что Датс никогда не покидает пределов своей улицы. Может, боится, а может, мамочка не пускает, кто его знает. Так вот, сегодня он будет одет в костюм Чарли Брауна – идеальный костюм для дебила...

Дьюи молился, чтобы Майки Датс им не встретился, но в то же время понимал тщетность этих молитв, каким-то образом предчувствуя неизбежность столкновения... И они нашли его, это не заняло много времени. Датс, в свои шестнадцать, был ростом под два метра, слегка полноватый, с вечно засохшей слюной в уголках рта – он представлял из себя настоящее недоразумение в идиотском жёлто-чёрном наряде с красной бейсболкой на голове. Не заметить такого было невозможно, да, к тому же, Генри вёл их, будто гончая по следу. Как и предполагал Дьюи, Датс был не один. С ним рядом шагала какой-то мальчишка лет десяти в костюме Дракулы.

Генри подбежал к старому дубу на лужайке и, прижавшись к стволу, поманил свою лихую банду. Чудище в маске звало их.

– Так-так, кавется бувет ефё и бонус, пагни, – насмешливо пробормотало оно.

Дьюи посмотрел в блестящие глаза этого существа – единственное доказательство того, что за маской был его брат Генри – и покачал неодобрительно головой, на которой красовалась такая же маска уродца. Детишки, видя их троих, перебежали на другую сторону улицы – такие костюмы никому не нравились. *М-да уж. Немудрено, если первая машина полиции – наша.* Но машины полиции видно не было. В голове каждого мальчишки полиция – плохо, знак опасности и того, что дальше, кроме стены непонимания и желания поскорее отвязаться, ты ничего не встретишь. Взрослые чаще всего не хотели слушать детей, всё воспринимали за розыгрыш и шутку. И стоило такого вот «взрослого» облачить в форму – и получалось дважды непонимание и дважды желание отвязаться. И всё же сейчас Дьюи не отказался бы от того, чтобы их трио уродцев остановили. «Мальчики, вы, трое! Стойте! Будьте добры показать свои лица...» Это могло сбить спесь с Генри и остановить его, но этого не происходило. *И этого не произойдёт, Дьюи. Только ты и Генри. Сможешь пойти против старшего братца?* – нащёптывал внутренний голос.

Они находились от Датса и его приятеля Дракулы буквально в паре метров – так близко, что Дьюи мог различить голоса мальчишек:

– Приятель Датс, ты – настоящий конфетный налётчик! – воскликнул мальчик-Дракула.

– Т-только т-т-ты и согласился п-п-пойти со мной Д-джозеф. Д-другие отказались, – сказал заикающийся Майки Датс

Сердце у Дьюи защемило, хотелось врезать себе по носу, лишь бы тело перестало выворачивать наизнанку. Майки Датс был настоящим священным животным, за обиду которого полагалось одно – смерть.

– Где твоя чёртова тыква, Чарли Браун?! – спросил, хохоча мальчишка.

И Датс загоготал вместе со своим другом. *Ужасно. Что же мы творим? Я его останавливаю!*

Генри Андерсон рванул вперед, дождавшись, когда они пройдут очередной уличный фонарь. Мёртвой хваткой хищной птицы он схватил Майки за плечо и развернул его на сто восемьдесят градусов. Глаза Датса округлились, его приятель Дракула шлёпнулся на задницу. На них напал монстр, вылезающий каждый Хэллоуин из тёмного логова в стволе дерева. Там,

где пахнет гнилью и сыростью, грибами и корой, там, где всегда темно и душно – вот она, эта тварь, прямо перед ними – и она собирается сожрать Датса, а за ней ещё две такие же:

– Агну виво гони фсе свои кфетки, Чарли-даун! Давай фюда свои пакевы иначе тебе онец! – проревела тварь.

– П-п-п-п... – Майки Датс, как и говорил Генри «обгадился». Из своей заикающейся глотки он не мог выдать ни слова, пытаясь, как сломанный двигатель.

– И ды, впрочем! Одавай сё! – обратилось чудовище ко второму мальчишке, который сидел на бетонной дорожке оцепеневший.

Дьюи потянулся к Генри, чтобы оттащить его от Датса, но, как выстрел, произошло то неизбежное, что он так надеялся предотвратить...

Мальчишка-Дракула сильно затрясся, а потом громко вскрикнул, задрал вверх голову. Генри рванулся к нему, скорее всего, чтобы вломить под дых, но парень кричал всего секунду. После чего обмяк на дорожке, как увядший цветок, и замолчал. Всё остановилось... Что было потом – Дьюи помнит, как в лихорадочном сне. Вопли ошеломлённого Майки Датса: «В-в-вы, в-в-вы убили его, ублюдки, вы его убили! Н-н-ненавижу!» Они втроем куда-то бежали, не разбирая дороги. Крики, смех, завывания со всех сторон – и голос Чарли Брауна: «...ублюдки, уб-блюдки не-не-ненавижу!». Потом они, наконец, остановились. Только он и Генри, Билли-Бобби с ними не было. Наконец, до Дьюи дошло, что всё это время они бежали в масках и чуть было не задохнулись в этих штуковинах. Генри содрал свою и с ужасом отшвырнул её. По лицу градом катились слезы.

– Дьюи! Что со мной случилось! О господи, что я натворил, Дьюи?!

Дьюи прижал Генри к себе и зарыдал вместе с ним.

Что мы натворили? Что мы натворили, братец?!

В ту ночь Джозеф Клинтон умер от сердечного приступа, у него был врождённый порок сердца. По сути, парень был бомбой замедленного действия, и даже избавление от физических нагрузок и спорта не уберегло его жизнь. Испуг на хэллоуинскую ночь – это ли не ироничная причина смерти десятилетнего ребенка? Единственным свидетелем истории был Майки Датс. Дьюи и Генри переживали с неделю, что Датс всё же узнал голос Генри, и лишь вопрос времени, когда всё станет известно. Но никто не приходил и не звонил родителям, чтобы сообщить «приятную» новость. Потом в школе они и вовсе узнали, что Датс «сошёл с ума, и теперь его родители сдают его в дурдом». Майки Датс, как говорили взрослые, был «другой», а дети называли его ласково «дурачком». Никто и не надеялся добиться от него информации – а Майки, после произошедшего, окончательно замкнулся. Если раньше его мозги всего лишь были расположены иначе, чем у обычных людей, что позволяло ему видеть мир под другими, не менее интересными углами, то теперь они просто сломались. Майки Датс навсегда умолк, как и его погибший друг.

Страх разоблачения ушёл, но вина навсегда осталась с ними. Генри мучился. Он стал часто рассказывать Дьюи о снявшихся ему кошмарах. Кошмары видел и Дьюи. В них Майки Датс, после того как выкрикнул: «Н-н-ненавижу!», говорил ещё одну фразу: «Н-ненавижу Генри и Дьюи!». Дьюи сотни раз воспроизводил в голове события той ночи и этой фразы не помнил. Её не было. Но во снах она постоянно являлась, и об этом Дьюи никогда Генри не рассказывал. Станным образом тот Хэллоуин сплотил их с Генри, Дьюи смог его простить. Наверное, потому что теперь они нуждались друг в друге как никогда. Разделить вину – вот, что каждый из них мог предложить, и для обоих это было необходимым. Однако фраза из снов не ушла и спустя тридцать лет: «Н-н-ненавижу, Генри и Дью».

Дьюи откинулся на свою сторону кровати и глубоко вздохнул. В такие моменты ему хотелось снова вернуться к оставленной в колледже привычке курить. Сьюзи лежала, закрыв глаза

и сжав пальцы рук. Так она отходила от приятной эйфории и головокружения, пронизывающего тело после оргазма.

– Было мощно, – выдавил из себя он. Дьюи Андерсен считал, что после секса мужчина обязательно должен что-то сказать, оценить произошедшее. Даже если этого вовсе и не требовалось.

– Да, – шепнула Сюзи. – Ладно, я пойду в ванную, а то вдруг Пит скоро вернется, а мы тут разлеглись. Тебе бы тоже не мешало искупаться, дорогуша, в постель грязным не пущу, так и знай!

– Да-да, обязательно. Ещё немножко полежу и пойду после тебя.

Сюзи чмокнула его и отправилась принимать душ, прихватив с собой платье невесты. Сегодня шутить по поводу «траха с покойником» не хотелось. Слишком сильно его тревожило, как там сейчас обстоят дела у Питера в его первой игре. Ему Дьюи рассказал только хорошее о «конфетных пиратах». Почему – он и сам не знал. Возможно, не хотелось думать, что дети часто следуют судьбе родителей. Пит должен был сам понять, что там хорошо, а что плохо, прочувствовать всё на своей шкуре. И из-за своих опасений и совершённых ошибок он не имел права не рассказать об игре. Это было его обязанностью, переданной ему ещё от отца, и его проклятием было обо всём поведать сыну. Так, и никак по-другому.

В доме царила тишина, нарушаемая звуком капающей воды из ванной. Дьюи приподнялся с постели и натянул спортивное трико. И правда, Пит мог скоро прийти. Снизу послышались глухие стуки в дверь, едва различимые со второго этажа. *Тук-тук. Пауза. Тук-тук.*

На сегодня выдача сладкого закончена, детишки, – подумал Дьюи. Но стуки не прекращались. *Тук-тук...* Что ж, он терпеливый, пускай себе ломаются. *А как же твои обязанности, Дьюи? Разве ты не «настоящий взрослый»?* Так-то оно так, он – Дьюи Андерсен. Ему сорок четыре. У него жена, сын, двухэтажный дом в приличном районе, автомобиль, лужайка с выкошенным газоном. Должно быть, он «настоящий взрослый». А значит, он должен пойти и открыть эту чёртову дверь и дать парню или девчонке за ней конфет. Нужно соблюдать правила.

Накинув халат, он спустился бегом вниз. Взглянул на гостиные часы: 19:46. Ещё час – и он начнет названивать Питеру. Дьюи на ходу схватил с тумбочки вазочку со сладостями, изрядно оскудевшую к концу вечера. *Тук-тук.* Не посмотрев в глазок, он открыл дверь. *На сегодня это, ей-богу, последний ребёнок.* Но за дверью оказался вовсе не ребёнок.

Нет, на нем не было того дурацкого костюма Чарли Брауна, вместо него – изорванная больничная пижама, вся, будто из ткани в горошек, покрытая пятнами крови. *И как его никто не заметил, неужели никто не обратил внимания на слабоумного мужика в окровавленной пижаме?* – подумал тогда Дьюи. А затем пришло осознание: *Сегодня Хэллоуин, приятель! Сегодня Хэллоуин!*

– Н-н-ненавижу, Генри и Д-дьюи, ненавижу, – сказал поседевший и потолстевший на пару футов, но всё с тем же детским голосом, Майки Датс. – Вы уб-б-били, уб-били *Джозефа!* – имя друга Майки Датс выговорил, не заикаясь.

Дьюи застыл на месте, как тогда Джозеф Клинтон – до смерти напуганный, *оцепеневший*. Слова Майки – сотня камней, он – бездонный колодец. Ему хотелось разрыдаться, упасть в ноги Майки Датса и умолять о прощении, но он просто стоял, не в силах пошевелиться. А Майки Датс продолжал говорить заикающимся голосом судьи, выносящего приговор:

– Г-генри, Г-генри мёртв. Т-т-теперь, т-теперь очередь Д-д-дьюи.

Дьюи выкинуло из мандража, он попытался отпрыгнуть, но слишком поздно. Из-за спины Майки Датса появилось сияющее в лунном свете лезвие ножа. Одним резким сильным движением оно вонзилось в грудь Дьюи. Он попытался вскрикнуть, но из горла вырвались лишь хрип и бульканье кровавых пузырей.

– Г-генри мёртв и Д-дьюи мёртв, – закончил Майки Датс.

Там был ещё Бобби, Бобби Стокс! – пытался напоследок выкрикнуть Дьюи Андерсен, но опять вышло лишь бульканье. В глазах потемнело, и последнее, что он увидел – слёзы и широкую улыбку на постаревшем лице Майки Датса.

Посвящается моему старшему брату.

Татьяна Виноградова

Биолог по образованию. Окончила Московский Государственный Университет, работала в Главном ботаническом саду РАН, защитила диссертацию, позже перешла работать в школу. Писать начала после окончания ВУЗа, но потом надолго отошла от этого увлечения и вернулась к нему лишь сравнительно недавно. Выпускник курсов «Мастер текста». Кроме художественных текстов, пишет научно-популярную литературу. Принимала участие в написании книги для детей «Алиса в стране наук» (Д. Баян, Т. Виноградова, К. Кноп, издательство МИФ, 2017 г.)

Профиль на Сinem сайте: <https://ficwriter.info/moj-profil/userprofile/1356.html>

Золотой ключик

День первый

Лязгнула раздвижная дверь. Русоволосый сероглазый гусар в малиновом, ладно охватывающем талию доломане остановился на пороге, снял кивер и медленно обвёл взглядом присутствующих.

– Сами-то мы не местные, – скорбно известил он. – Давыдова не видали?

Грянул хохот. Кто-то присвистнул. Кто-то хлопнул в ладоши, и аплодисменты – нестройные, но энергичные – пронесли из одного конца вагона в другой.

– Ну ты даёшь, Елагин! – выкрикнули из угла. – Орёл!

Компания, расположившаяся через проход слева, раскладывала на коленях бутерброды. Девушка рядом, выставив для упора ногу в высоком сапоге со шпорой и наклонившись, переплетала косу – ловко пропускала между пальцев чёрные пряди, густые и блестящие, как конская грива. Парень в штормовке, сидевший напротив, мазнул ладонью по запотевшему стеклу. За окном небо светилось палево-розовым. Далеко у входа забренчала гитара, и полвагона подхватило:

Ваше благородие, госпожа Удача!

Для кого ты добрая, а кому иначе...²

Зинаида закрыла глаза. Хорошо, что решила ехать сегодня, а не завтра. Совсем из головы вылетело: первые выходные сентября – Бородинский фестиваль. Пущены дополнительные электрички, и всё равно, утром хорошо если удалось бы втиснуться в тамбур, а сейчас она даже сидела.

– Не каждый год так совпадает, – сказали рядом. – Завтра ведь настоящая годовщина.

Сначала Зина не прислушивалась. Её соседка и парень в штормовке, видимо, были давними знакомыми. Их реплики ни о чём не говорили Зине – какой-то Сашка, новый трензель, – но голоса звучали тепло.

Девять граммов, сердце, постой, не зови.

Не везёт мне в смерти – повезёт в любви.³

– ...не по себе, – с силой сказала соседка, и Зинчу словно выдернуло из состояния покоя. Что-то в тоне девушки привлекло внимание.

– Что, мертвецов боишься?

Парень не ёрничал, скорее сочувствовал и одновременно был готов обратить всё в шутку.

– Не то. Ну... не боюсь, но ведь мы будто праздновать едем. Их гибель. Страшно...

– Чего ты вдруг? Из-за того, что даты совпали? Не праздновать же, – парень помолчал и добавил: – Поле славы – всегда кладбище.⁴

– Ладно, проехали, – девушка издала нервный смешок. – Вот встретим Вечную Вдову...

– Что за вдова?

– Ну... Такая легенда, – соседка помолчала. – После битвы жуть что творилось. Многие разыскивали своих – пропавших или погибших. И была одна девушка, которая искала жениха, гусарского поручика. Звали её Софья.

Рассказчица снова остановилась. Зина вслушивалась, из вежливости стараясь не вызывать интереса к чужому разговору.

---

² Строки из песни «Ваше благородие, госпожа Удача!», Булата Окуджавы, к/ф «Белое солнце пустыни».

³ Строки из песни «Ваше благородие, госпожа Удача!», Булата Окуджавы, к/ф «Белое солнце пустыни».

⁴ Сосед Зинчи вспоминает о том, как в 1966 году ЦС ВООПИК отказался выделить финансирование на установку памятных знаков на найденных братских могилах с формулировкой: «Бородино – не кладбище, а Поле Славы». Об этом можно прочесть в заметке Н.И.Иванова «Братские могилы и другие воинские захоронения 1812 года на Бородинском поле».

– Сначала Софья надеялась, что он выжил, и искала в госпиталях. Потом стала искать тело. Для неё это стало идеей-фикс. Наконец она заявила, что отдаст всё на свете за то, чтобы узнать точно, жив ли жених, и что любое знание легче, чем эта неизвестность. И тогда к ней пришёл некто.

Приоткрыв глаза, Зина увидела обоих собеседников: девушка наклонилась вперёд, теребя косу, парень вслушивался, приподняв подбородок и повернувшись боком.

– После беседы с ним Софья вышла из палатки, которую ей предоставили, мертвенно спокойной. Никто не знает, что именно она отдала, но тот человек ушёл, унося под плащом большую коробку или ларец, а Софья сжимала в руке ключ – всё, что у неё осталось. В тот же вечер она нашла останки, в которых опознала жениха.

– А потом?

– Она продолжала жить. Говорят, что она не может умереть, и что это и есть расплата. Ведь смерть для неё – встреча с женихом. Ещё говорят, что раз в году её можно увидеть там, на поле. Она заговаривает со встречаемыми. Должно быть, она тронулась от горя, потому что она ищет то жениха, то ключ, то могилу.

Зинча делала «секретик».

Это просто. Роешь ямку в земле. На дно кладёшь фольгу от конфеты, затем – лепестки цветов и всё, что захочешь. Сверху – осколок стекла, и его надо хорошенько вжать краями в стенки ямки. Потом засыпаешь стекло землёй. Вот и всё!

Зинча послунявила палец и расчистила окошко в земле. «Секретик» на этот раз был особенный. Среди рыжих лепестков бархатцев блестел ключик. Настоящий, совсем как у Буратино!

Ключик Зинча нашла на дороге. Маленький, желтого металла, на длинной цепочке. Когда показала маме – та даже ахнула сперва:

– Зинча, да ведь это золото!

И заторопилась:

– Надо написать объявление. Вдруг хозяин найдётся! Посмотри, тут даже проба выбита.

Но папа усомнился:

– Если бы проба – были бы три цифры, а тут две. И заводского клейма нет. Может, латунный?

И правда. Мама даже сняла с пальца обручальное кольцо, чтобы показать Зинче: на внутренней поверхности ободка тоненько-тоненько прорисовывались цифры «583» и пятиконечная звёздочка. А на бородке ключа – «56», и ещё буквы какие-то. Цвет металла, если положить рядом, тоже отличался, был желтее, красивее.

Пока взрослые разглядывали и сравнивали, Зинча переживала: если дорогое украшение – и правда, надо найти хозяина и отдать. Лучшие пусть будет латунь! Тогда ключик будет совсем-совсем её.

– Держи, Зинча, владей! – сказал в конце концов папа. – Будешь искать волшебную дверцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.